

С. М. Урбан С. М. 2 - арт. Бригаде
по отисн НЗ 12.

Сарыкамышская операція

12-24 Декабря 1914 года

(НЪКОТОРЫЕ ДОКУМЕНТЫ)

подъ редакціей А. АНДРЕЕВА

ПАРИЖЪ

1 9 3 4

Генеральнаго Штаба
Генераль - отъ - Инфантеріи
ГЕОРГІЙ ЭДУАРДОВИЧЪ БЕРХМАНЪ

(на груди — орд. Св. Великом. и Побѣдон. Георгія 4 ст., на шеѣ — орд. Св. Александра Невскаго 1 ст. съ мечами. Обѣ награды — за Сарыкамышскую операцію).

† 17 февраля 1929 г.

Сарыкамышская операція

12-24 Декабря 1914 года

(НѢКОТОРЫЕ ДОКУМЕНТЫ)

подъ редакціей А. АНДРЕЕВА

ПАРИЖЪ

1 9 3 4

Всѣ права, въ томъ числѣ и право изданія на другихъ
языкахъ, принадлежить Е. В. Берхманъ

Tous droits de reproduction et de traduction réservés pour tous pays
Copyright 1934 by E. Eergmann

*Описанію Сарыкамышской операціи посвященъ специальный трудъ ген.-майора Ген. Штаба В. П. Никольскаго *)).*

Въ настоящій сборникъ включены лишь некоторые документы, касающіеся этой операціи изъ числа тѣхъ, которые хранятся въ архивѣ союзы ген.-отъ-инф. Бергмана — Е. В. Бергманъ.

Цель этого изданія — сохранить для будущаго историка случайно уцѣлѣвшіе, въ тодину величайшихъ потрясеній нашей Родины, важныя и фактическіе матеріалы. Въ нихъ, подъ покровомъ людскихъ страстей, столь естественныхъ въ любой періодъ исторіи человѣчества, — безпристрастный изслѣдователь, только что минувшихъ для насъ событій, быть можетъ, очертитъ ту истину, которая некоторымъ современникамъ, вольно или невольно, — не дается.

А. Андреевъ.

*) Болгарія. — Софія — 1933.

ВЫСШИЙ КОМАНДНЫЙ СОСТАВ КАВКАЗСКОЙ АРМИИ
ВЪ ПЕРИОДЪ САРЫКАМЫШСКОЙ ОПЕРАЦИИ

71

Главнокомандующий Кавказской Ар- мией	Ген.-Адъютантъ, Ген.-отъ-Кавалеріи Графъ Воронцовъ-Дашковъ
Помощникъ Главнокомандующаго . .	Ген.-отъ-Инф. Мышлаевскій
Вр. И. д. Начальника Штаба	Ген.-Маіоръ Болховитиновъ
Начальникъ Сарыкамышской груп- пы войскъ и Ком. 1-го Кавказ- скаго арм. корпуса	Ген.-отъ-Инф. Берхманъ
И. д. Начальника Штаба группы и 1-го Кавказскаго арм. корпуса	Полк. Ласточкинъ
Вр. Командующій Своднымъ корпу- сомъ	Ген.-Лейт. Юденичъ
Начальникъ 20-й пѣх. дивизіи	Ген.-Лейт. Истоминъ
Начальникъ 39-й пѣх. дивизіи	Ген.-Лейт. Де-Виттъ
Командиръ 1-й Кубанской Пластун- ской бригады	Ген.-Маіоръ Цржевальскій
Командиръ 2-й Кубанской Пластун- ской бригады	Ген.-Маіоръ Гулыга
Начальникъ 1-й Кавказской Каза- чьей дивизіи	Ген.-Лейт. Баратовъ

Копія съ телеграммы) иسرала Бергмана отъ 22 Декабря 1914 года за № 1052 Главнокомандующему, Помощнику Главнокомандующаго и Начальнику Полковаго Штаба Арміи**).*

Безмѣрно счастливъ отъ лица всѣхъ чиновъ вѣрренныхъ мѣ войскъ горячо поздравить Ваше Сіятельство съ большой и славной побѣдой. Дѣлошу: сегодня 22-го Декабря въ 5 час. вечера рѣшительно опредѣлилось полное пораженіе 9 и 10 турецкихъ корпусовъ подъ Сарыкамышемъ. Командиръ 9-го корпуса Неханъ-паша, 3 Начальника дивизій 17-й, 28-й и 29-й и 2 замѣстителя Начальниковъ дивизій со своими Штабами, болѣе 100 офицеровъ и тысячи нижнихъ чиновъ взяты въ плѣнъ. Намъ осталось много орудій, пулеметовъ, боевыхъ припасовъ, вѣчныхъ трактортовъ и прочаго имущества, но все еще не привезено къ извѣстности. Правый флангъ турокъ, 9-й корпусъ, уничтоженъ безслѣдно, часть 10-го еще пытается снастись черезъ Эшакъ-Майданъ, но панерерѣзъ имъ выдвинута конница, а преслѣдуютъ ихъ части 3-й стрѣлковой бригады с Гушубы. Свидѣтельствую передъ Вашимъ Сіятельствомъ, маститымъ нашимъ Кавказскимъ Главнокомандующимъ, что войска Сарыкамышскаго отряда совершили геройскіе подвиги и оказались достойными своихъ славныхъ предковъ. Ни выси горъ, ни снѣга, ни морозы не остановили ихъ стремленія къ побѣдѣ, чтобы достойно оправдать высокое довѣріе и исполнить желаніе Вашего Сіятельства.

Копія съ телеграммы генералъ-адъютанта графа Воронцова-Дашкова отъ 23-го декабря за № 3547 генералу Бергману.

Горячо благодарю полковника Бузретева, полковника Барковскаго, генерала Пржевальскаго, генерала Юденича, генерала Габаева, генерала Берхмана за ихъ труды, приведшіе къ славной побѣдѣ. Дѣлестнымъ войскамъ, пролившимъ такъ много крови и понесшимъ также тяжелыя

*) Телеграмма приведена неполностью. Ред.

**) Всѣ числа по старому стилю. Ред.

труды, сердечное спасибо отъ ихъ Главнокомандующаго за ихъ стойкую службу Царю, Роднѣи и Кавказу. А на основаніи ст. 7 устава полевой службы въ командованіе Сарыкамышскимъ отрядомъ вступитъ начальникъ полевой Штаба Арміи генераль-лейтенанту Юденичу, какъ старшему въ должности. Преслѣдованіе вести энергично. Имѣть въ виду возможность перехода въ наступленіе турокъ съ фронта, для облегченія выхода изъ боя остатковъ 9-го и 10-го турецкихъ корпусовъ. Подпись: Генераль-Адъютантъ, Графъ Ворошиковъ-Данковъ.

Копія съ рапорта генерала-отъ-инфантеріи Берхмана отъ 19 января 1915 года за № 2, Главнокомандующему Кавказской Арміей.

Основываясь на примѣчаніи къ статьѣ 10-й Статута о Военномъ Орднѣ Св. Великомученика Георгія, доношу Вашему Сіятельству о моемъ отличномъ командованіи войсками въ сраженіи съ турками, подъ Сарыкамышемъ, въ періодъ съ 15 по 25 декабря минувшаго года, когда я боролся со значительно превосходящими меня силами турокъ и успѣлъ не только ихъ разбить и прогнать, но и илѣнить ихъ цѣлый корпусъ, захвативъ при этомъ большое число пушекъ, ружей и другихъ боевыхъ трофеевъ.

Подробности моего выдающагося отличія, отмѣченнаго ст. ст. 1, 9 и 10 Статута Ордена Св. Вел. Георгія, заключались въ слѣдующемъ:

Согласно приказанія Вашего Сіятельства, съ момента открытія нами военныхъ дѣйствій противъ турокъ, я былъ назначенъ Начальникомъ 1-й группы войскъ на Кавказѣ и всталъ во главѣ Сарыкамышскаго отряда, которымъ командовалъ вплоть до 24 декабря, за исключеніемъ 4-хъ дней — съ 11-го по 15-ое декабря, когда помощнику Вашего Сіятельства генералу-отъ-инфантеріи Мышлаевскому, прибывшему къ отряду, угодно было съ Вашего соизволенія, принять личное командованіе надъ Сарыкамышскимъ отрядомъ. Эти 4 дня я оставался только командиромъ 1-го Кавказскаго армейскаго корпуса.

Съ 11-го числа обнаружился обходъ турокъ въ тылъ Сарыкамышскому отряду. Сперва эти силы опредѣлялись въ 3-4 батальона, но потомъ они росли съ каждымъ часомъ и 14-го декабря стало точно извѣстно, что къ Сарыкамышу подходятъ два турецкихъ корпуса (IX и X) — всего 5 дивизій.

15-го декабря утромъ Его Высочайшему Превосходительству благоутгодно было оставить отрядъ и уѣхать въ Тифлисъ, а съ пути, изъ Каракурта прислать мнѣ телеграмму, которой мнѣ предписывалось принять командованіе надъ Сарыкамышскимъ отрядомъ. Съ этой минуты я непрежнему сталъ полноправнымъ начальникомъ войскъ и, не теряя времени, повелъ операціи какъ противъ IX и X турецкихъ корпусовъ, подступившихъ къ

Сарыкамышу, такъ и противъ XI турецкаго корпуса, остававшагося противъ моего фронта.

Первыя мои распоряженія клонились къ тому, чтобы какъ можно долѣе удерживать турокъ на моемъ фронтѣ, а потому войскамъ моихъ аррьергардовъ было указано оставаться на своихъ первоначальныхъ позиціяхъ до 17 декабря, а затѣмъ медленно отходить на Саганлугскія позиціи и, во чтобы - то ни стало, задержаться здѣсь до разбитія турокъ подъ Сарыкамышемъ. Для этой послѣдней цѣли, въ дополненіе къ находящимся въ Сарыкамышѣ нашимъ войскамъ, я направилъ туда сперва шесть баталіоновъ съ мортирнымъ дивизиономъ и нѣсколькими легкими батареями, а потомъ, черезъ Башкейское плато, вывелъ туда же на лѣвый флангъ турокъ, еще 22 конныхъ сотни, 5 пластунскихъ баталіоновъ 2-ой бригады и соответствующую артиллерію.

При началѣ общей операціи, я имѣлъ нѣсколькихъ аррьергардныхъ начальниковъ, — генераловъ: Юденича, Де-Виттъ и Баратова, управленіе дѣйствіями конхъ я имѣлъ въ своихъ рукахъ, но впоследствии, по отходѣ аррьергардовъ къ Караургану и къ Меджидгерту — управленіе двумя правыми аррьергардами я объединилъ въ рукахъ генерала Юденича.

Непосредственное же и близкое командованіе войсками, у Сарыкамыша я принялъ лично на себя. Въ этотъ пунктъ, со своимъ штабомъ я прибылъ 18-го декабря и оставался здѣсь до конца боя, лично руководя всѣми операціями войскъ въ Сарыкамышѣ и всего Сарыкамышскаго отряда. При чемъ во все это время находился днемъ и ночью почти подъ непрерывнымъ орудійнымъ огнемъ непріятеля.

20-го декабря успехъ видимо сталъ склоняться въ нашу сторону, но для довершенія удара настоятельно необходимо было сломить турокъ на Бардусскомъ перевалѣ. Для сего командиру 5-го пластунскаго баталіона полковнику Масляничкову, усиленному двумя баталіонами Дербентцевъ, я приказалъ во что бы то ни стало взять Бардусскій перевалъ и охватить турокъ съ ихъ праваго фланга и съ тыла. На другой день полковникъ Масляничковъ блестяще исполнилъ эту операцію, которая и завершилась къ вечеру 22-го декабря разгромомъ обошедшей насъ турецкой арміи, и полнымъ истребленіемъ IX корпуса съ его командующими генералами, пушками, ружьями и другой матеріальной частью.

Эти наши дѣйствія, на правомъ турецкомъ флангѣ, были, конечно, въ тѣсномъ согласованіи съ операціями нашими на фронтѣ и на лѣвомъ турецкомъ флангѣ, которыя выразились въ слѣдующемъ:

21-го декабря конный отрядъ генерала Баратова, — съ пластунами генерала Гулыги, — былъ выведенъ мною черезъ Башкей къ Али-Софи и далѣе къ Ель-Бечмезу, гдѣ эта колонна соединилась съ подошедшимъ сюда отрядомъ генерала Габасва (7 баталіоновъ съ артиллеріей).

22-го декабря всѣ собранія у Ель-Кечмеза войска, объединенныя командованіемъ генерала Баратова, были мною брошены въ тылъ X неприятельскому корпусу. Въ то же время съ фронта на селеніе Ягъ-Басанъ 21 и 22-го декабря дѣйствовала колонна славнаго командира Кабардинскаго полка (нынѣ покойнаго) полковника Барковскаго. Совокупныя дѣйствія этихъ атакующихъ неприятеля колоннъ, а равно чрезвычайно упорные и побѣдные бои нашего праваго арріергарда подъ командой генерала Юденича, задержавшаго XI турецкій корпусъ на Сагандугѣ, привели къ полному пораженію почти всей турецкой арміи: IX-й корпусъ въ плѣну, X-ый, теряя орудія, бросился въ безпорядочное отступленіе, XI-ый за эти дни тоже отдалъ намъ много плѣнныхъ и 8 орудій.

23-го вѣренныя мнѣ войска усѣбно продолжали преслѣдованіе X корпуса, отбивъ у него при этомъ отступленіи много плѣнныхъ и нѣсколько орудій.

Такимъ образомъ 23-го декабря побѣдно и совершенно закончилось сраженіе подъ Сарыкамышемъ и только XI корпусъ, все еще не зная о пораженіи арміи Энверъ-наши (командовалъ арміей подъ Сарыкамышемъ), не оставлялъ попытки пробиться черезъ нашъ арріергардъ къ нему на выручку.

Побѣда подъ Сарыкамышемъ полная и громкая, такъ какъ она не только уничтожила значительную часть турецкой арміи, отдавъ въ наши руки многихъ генераловъ, сотни офицеровъ, десятки пушекъ и тысячи плѣнныхъ. — но важна она и въ политическомъ смыслѣ, ибо успокоила взволнованные умы Кавказа и произвела впечатлѣніе за предѣлами края.

Эта побѣда была также высоко оцѣнена и нашимъ Верховнымъ Главнокомандующимъ въ телеграммѣ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА на имя Вашего Сіятельства.

Нѣкоторые изъ сотрудниковъ моихъ въ этомъ большомъ ратномъ дѣлѣ, мнѣ непосредственно подчиненные и мною къ побѣдѣ этой направляемые — генералы Юденичъ и Пржевальскій, полковникъ Барковскій (нынѣ покойный) пожалованы высокимъ военнымъ отличіемъ — орденомъ Св. Великомученика Георгія 4-й ст.

Вышеизложенное представляя на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства, доношу, что свидѣтельскія показанія о томъ, что я лично, и никто другой, съ 15 декабря руководилъ всѣми боевыми операціями Сарыкамышскаго отряда и что съ 18 декабря находился въ самомъ Сарыкамышѣ, подвергаясь днемъ и ночью личной опасности отъ почти непрекращаемаго огня неприятельскихъ батарей, — могутъ дать всѣ

чины моего штаба, а равно генералы и начальники частей войск Сарыкамышского отряда, бывшие в его составъ за указанный періодъ.

Состоящій съ распоряженіи Главнокомандующаго

Кавказскою Арміею

Генералъ-отъ-Инфантеріи Бергманъ.

29 Января 1915 г. Репортъ, Главнокомандующему Кавказскою Арміею.

Извѣстіе о Сарыкамышскомъ сраженіи въ разнообразныхъ вариантахъ передавалось и до сей поры все еще передается во многихъ газетахъ, при чемъ въ наиболѣе распространенныхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ: «Новое Время» и «Русское Слово», очень часто руководителемъ нашихъ войскъ въ сраженіи подъ Сарыкамышемъ, когда были разбиты IX и X Турецкіе корпусы, называютъ генерала Юденича, а иногда генерала Пржевальскаго.

Вашему Сіятельству хорошо извѣстно, что, согласно приказа Вашего по войскамъ Кавказской арміи и особо подтверждающей этотъ приказъ телеграммы помощника Вашего Сіятельства генерала-отъ-инфантеріи Мышлаевскаго, отъ 15 декабря 1914 года, — Сарыкамышскимъ отрядомъ, — въ его цѣломъ составѣ, за періодъ съ 15 по 24 декабря 1914 года, — командовалъ и руководилъ всеми его операціями на два фронта: на Сарыкамышъ и въ направлевіи на Эрзерумъ исключительно я и никто другой.

А между тѣмъ имени моего нигдѣ не упоминается. Имя мое, само по себѣ, конечно, можетъ быть совершенно въ печати замолчено, но, разумѣется, только при условіи, что мои дѣйствія не будутъ приписываться другимъ лицамъ: разъ же печать этого условія не соблюдаетъ, то я прошу разрѣшенія Вашего Сіятельства указать газетамъ ихъ ошибку, не касаясь, конечно, никакихъ подробностей Сарыкамышскихъ боевъ, а лишь указать имъ, что ближайшимъ и непосредственнымъ начальникомъ и руководителемъ Сарыкамышскаго отряда, при разбитіи турокъ подъ Сарыкамышемъ, былъ я.

Генералъ-отъ-инфантеріи Бергманъ.

Копія съ репорта, отъ 19 февраля 1915 г. за № 16, генерала-отъ-инфантеріи Бергмана Главнокомандующему Кавказской арміей графу Воронцову-Дашкову.

Ощущая на себѣ немилость Вашего Сіятельства и не имѣя воз-

возможности лично представиться, чтобы доложить о своих боевых действиях, а в то же время не чувствуя ни малѣйшей за собою вины по командованію вѣренными мнѣ войсками, я осмѣливаюсь при семъ представить подробный доклад *) о моихъ дѣйствіяхъ за время моего командованія Сарыкамышскимъ отрядомъ. Изъ этого моего доклада, оправданнаго документами, увѣренно надѣюсь, что Ваше Сіятельство не изволите усмотрѣть ни малѣйшаго пятна, могущаго не только очернить меня какъ военачальника, но и найти въ немъ хоть малѣйшую тѣнь, меня омрачающую.

Смѣю доложить, что со всеусердіемъ и всѣми моими способностями служилъ и сражался съ одною мыслью достойно оправдать высокое ко мнѣ довѣріе Вашего Сіятельства и не обезчестить на полѣ брани доблестныя Кавказскія войска, давшія мнѣ жизнь, возрастившія меня въ своей семьѣ и доставившія мнѣ счастливую возможность сорокъ лѣтъ честно и правильно прослужить въ ихъ рядахъ, подъ ихъ вѣковыми боевыми знаменами.

Ваше Сіятельство, если Вы все же изволите знать за мною какую-либо вину, — то будьте милостивы прикажите указать мнѣ такую, дабы я могъ представить свою защиту.

Невыразимо больно и горестно ни отъ кого и ничего не слышать и быть во всемъ совершенно замолченнымъ и закрытымъ чужими именами, какъ будто я не имѣлъ ни малѣйшаго касательства къ Сарыкамышскимъ операціямъ. А между тѣмъ, какъ Вашему Сіятельству извѣстно, я Вашею волею былъ поставленъ во главѣ Сарыкамышскаго отряда и былъ тѣмъ единственнымъ ответственнымъ и полноправнымъ его начальникомъ, который долгимъ и искуснымъ маневрированіемъ, оставаясь лично въ теченіе пяти сутокъ подъ непрестаннымъ непріятельскимъ огнемъ, привелъ доблестныя войска отряда къ славной побѣдѣ и нанесъ туркамъ большое и рѣшительное пораженіе подъ Сарыкамышемъ.

Не получая отъ графа Воронцова-Дашкова свѣдѣнія на свой рапортъ о награжденіи орденомъ Св. Георгія 4 ст., ген. Бергманъ просилъ разрѣшеніе отправиться въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго, но тамъ встрѣченный холодно Начальникомъ Штаба ген. Якушевичемъ, не былъ даже принятъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ.

Копія съ рапорта отъ 30 апрѣля 1915 г. за № 40, генерала-интендантъ Бергмана Верховному Главнокомандующему Ею Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу.

*) Докладъ не прилагается. Ред.

ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, представляя доклад *) объ участіи моемъ въ боевыхъ дѣйствіяхъ на Кавказскомъ фронтѣ, въ періодъ съ 18-го октября по 24-го декабря 1914 года, во время бытности моею Командиромъ 1-го Кавказскаго армейскаго корпуса и Начальникомъ Сарыкамышскаго отряда, — всепреданнѣйше прошу милости означенный мой докладъ съ приложеніемъ къ нему подлежащихъ документовъ, повелѣть разсмотрѣть, выслушавъ мое объясненіе и, буде ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО признаете меня правымъ — возстановить мое имя, какъ бывшаго единственнаго, самостоятельнаго и ответственнаго Начальника Сарыкамышскаго отряда, разгромившаго турокъ подъ Сарыкамышемъ, при чемъ IX-й турецкій корпусъ со всѣмъ его старшимъ команднымъ составомъ былъ мною взятъ въ плѣнъ, а X-й корпусъ изъ нашихъ предѣловъ бѣжалъ, понеся тяжкія потери.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО прилагаемые къ докладу документы, какъ мнѣ кажется, убѣдительно свидѣтельствуютъ, что боевую задачу, — возложенную на меня Главнокомандующимъ Кавказскимъ фронтомъ съ перваго дня войны съ турками — съ 18-го октября и по 24 декабря 1914 года, — я съ вѣрными мнѣ доблестными войсками вполне правильно и усѣбно выполнилъ.

Въ документахъ имѣется цѣлый рядъ благодарственныхъ телеграммъ, обращенныхъ ко мнѣ Главнокомандующимъ Кавказской арміей и еще наканунѣ разгрома турокъ идъ Сарыкамышемъ я получилъ 21 декабря послѣднюю телеграмму, одобряющую меня и призывающую къ полному пораженію враговъ для цѣлости Кавказа**).

Господь помогъ мнѣ и командуемая мною войска на другой же день исполнили это желаніе и приказаніе своего Главнокомандующаго и нанесли туркамъ такое большое и славное пораженіе, которое даже порадовало сердце ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА.

Въ отвѣтъ на это свое допесеніе о громкой Сарыкамышской побѣдѣ, я получилъ отъ Главнокомандующаго Кавказской Арміей телеграмму, которая глубокою горечью поразила меня, такъ какъ въ ней явно не только сказалось какое-то большое на меня неудовольствіе, но и въ командованіи Сарыкамышскимъ отрядомъ я былъ замѣненъ младшимъ по себѣ.

Съ той поры имя мое совершенно исчезаетъ и ни въ какихъ официальныхъ документахъ я не упоминаюсь. Приказъ же по Кавказской

*) Докладъ и документы не прилагаются. Ред.

**) «Радуюсь одержаннымъ успѣхамъ, но Вы должны одержать полную побѣду, отъ которой зависить цѣлость Кавказа».

арміи, отъ 11 января сего года за № 15, какъ бы окончательно отстранилъ меня отъ какого-либо моего участія въ Сарыкамьшскомъ дѣлѣ.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, осмѣлюсь клятвенно и документально доложить, что всю Сарыкамьшскую операцію съ 15 по 24 декабря 1914 г. велъ я единолично, и, конечно, только одинъ я и отвѣтилъ бы предъ Царемъ и Родиной за всѣ непріятныя послѣдствія, если бы, избави Богъ, съ вѣрными мнѣ войсками случилась хоть какая-либо даже самая маленькая неудача. За что же въ минуту великаго счастья и радости побѣды я, виновникъ таковыхъ, совершенно забытъ и замолченъ, и въ имени своемъ замѣненъ другими.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ я тщетно пытался отъ кого-либо узнать, — въ чемъ моя вина, которая могла вызвать такое страшное на меня неудовольствіе Главнокомандующаго Кавказскою арміею. Но таковую мнѣ рѣшительно никто не указалъ, а самъ Главнокомандующій до сего дня меня не принялъ и на мой рапортъ съ доведеніемъ о моемъ отличіи, опредѣляемомъ Статутомъ Ордена Св. Георгія Побѣдоносца, а равно и на мой документальный докладъ, никакого отвѣта не далъ.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, я живу подъ страшнымъ гнетомъ, какъ самый тяжкій преступникъ, а между тѣмъ рѣшительно не знаю за собою ни малѣйшей вины и вею свою долгую и честную мирную и боевую службу провелъ среди Кавказскихъ войскъ, всегда имѣя себѣ отъ нихъ почетъ и уваженіе.

Вскоръ послѣ пріѣзда изъ Штаба ген. Бергманъ получилъ, наконецъ, отвѣтъ графа Воронцова-Дашкова.

Копія съ письма Главнокомандующаго Кавказскою Арміею графа Воронцова-Дашкова, отъ 4-го июля 1915 года за № 19197, генералу-отъ-инфантеріи Бергману.

Послѣ получения рапорта Вашего Высшекопревосходительства отъ 12 января с. г. № 2 о Вашемъ личномъ командованіи отрядомъ подъ Сарыкамьшемъ и о награжденіи Васъ орденомъ Св. Георгія 4 ст. за отличное командованіе войсками во время Сарыкамьшскихъ боевъ, въ силу требованій ст. 17 Георгіевскаго Статута, я, какъ ближайшій Вашъ начальникъ, прежде такого представленія обязанъ былъ назначить разслѣдованіе, почему мною и были запрошены нѣкоторые изъ участниковъ этого дѣла и затребованы документы отъ Штаба войскъ, дѣйствовавшихъ во время операціи подъ Сарыкамьшемъ.

Въ отвѣтъ на мой запросъ мнѣ донесли:

1) *Генералъ Юбсницъ* (рапортъ 4 марта с. г. № 5).

Телеграмма генерала Мышлаевского, которою предписывалось Вашему Высочайшему Велению принять командование надъ Сарыкамышскимъ отрядомъ ему неизвестна, а известно лишь то, что въ командование Вы не вступали, т. е. говоря другими словами, — единолично войсками не командовали. Это положение подтверждается еще и изъ дальнейшихъ событій, а именно:

15 декабря въ 6 часовъ вечера Вами было отдано слѣдующее приказаніе полковнику Барковскому, дравинемуся ночь Сарыкамышемъ:

«Участь всего Сарыкамышскаго отряда въ Вашихъ рукахъ; въ долѣннй турокъ доблестными Кабардинцами не сомнѣваюсь, но побѣда должна быть скорая, не позже завтрашняго утра (т. е. утра 16 декабря), иначе отрядъ можетъ погибнуть. Господь съ Вами. Отрядъ ждетъ освобожденія».

И второе распоряженіе генералу Пржевальскому въ 1 час. 35 минутъ дня 16 декабря: «Сообщаю, что по ходу событій наступило время начать свой отходъ въ Сарыкамышъ *всѣмъ войскамъ*, стоявшимъ на нашихъ передовыхъ позиціяхъ отъ Караургана до Хоросана и далѣе въ Югъ. Я и всѣ воины глубоко убѣждены, что разбитіемъ турокъ подъ Сарыкамышемъ Вы сегодня же 16 декабря дадите намъ свободный проходъ въ тылъ, гдѣ мы найдемъ хлѣбъ и пищу».

Здѣсь совершенно ясно назначенъ отходъ *всѣмъ* силамъ къ Сарыкамышу, къ счастью не состоявшійся, благодаря вмѣшательству въ это дѣло генерала Юденича, который въ своемъ рапортѣ доноситъ:

«На необходимость задерживаться на аррьергардныхъ позиціяхъ указать и настоялъ я, настаивалъ «властно, какъ равный съ равнымъ и въ сознаніи, что я въ то же время и Начальникъ Штаба арміи».

Если бы общимъ войсковымъ начальникомъ были бы Вы, каковымъ Вы себя считали, то и должны были настаивать на дѣйствіяхъ по своему плану, а генералъ Юденичъ не имѣлъ бы права ослушаться. Между тѣмъ въ основу дѣйствій на фронтѣ легло иное рѣшеніе — оставаться на аррьергардныхъ позиціяхъ — рѣшеніе, *принадлежащее генералу Юденичу*, который, если бы былъ подчиненъ Вамъ, конечно, не могъ бы настаивать на своемъ рѣшеніи «властно, какъ равный съ равнымъ».

Такимъ образомъ единоличнаго командованія войсками не было (§ 1 ст. 8. Георг. Статута).

2) *Генералъ Пржевальскій* (рапортъ 2 мая с. г. № 75).

Приказаніе о движеніи съ брататою изъ Меззингерта въ Сарыкамышъ и о принятіи командованія сборными тамъ войсками отъ получилъ лично отъ генерала Мышлаевского, а не отъ Васъ: Вы же, уговорившись 18 декабря по телефону съ генераломъ Юденичемъ о томъ,

что генераль Юденичъ будетъ командовать всѣми аррьергардами, должны были ѣхать въ Сарыкамышъ, дабы командовать собранными тамъ войсками.

Прибывъ въ Сарыкамышъ въ командованіе все же не вступили. Въ рапортѣ генерала Пржевальскаго значится «...по прибытіи въ Сарыкамышъ генераль Берхманъ предоставилъ мнѣ самостоятельно руководить войсками Сарыкамышской обороны, и во исполненіе ранѣе отданныхъ мною распоряженій: войска лѣваго участка должны были овладѣть Бардусскимъ переваломъ, а праваго — наступать по линіи с. с. Ягъ-Басанъ и Чатахъ».

Изъ сказаннаго опять видно, что Вы, прибывъ въ Сарыкамышъ, чтобы вступить, согласно условленнаго съ генераломъ Юденичемъ въ командованіе войсками Сарыкамышской обороны, *въ командованіе это не вступили*, что подтверждается и справкой Штаба обороны, гдѣ значится: «...по прибытіи въ Сарыкамышъ 18-го вечеромъ генерала-отъ-инфантеріи Берхмана и до сдачи турокъ 22 декабря войска его не видѣли. На вопросъ генерала Пржевальскаго, — приметъ ли генераль Берхманъ на себя управленіе войсками у Сарыкамыша, Его Высокопревосходительство отъ этого уклонился, предоставивъ генералу Пржевальскому свободу дѣйствій въ управленіи войсками».

Въ силу этого обстоятельства войска выполнили прежнія задачи, указанныя генераломъ Пржевальскимъ, а не Вами.

3) Штабъ обороны доноситъ: «...взложенныя въ рапортѣ генерала Берхмана указанія о переломѣ боя 20 декабря и объ отдачѣ имъ лично волковнику Маслянникову того же числа приказанія взять во что бы то ни стало Бардусскій переваль, а также о томъ, что во исполненіе этого приказанія переваль былъ блестяще взятъ на другой день, т. е. 21 декабря, не отвѣчаетъ дѣйствительности, такъ какъ переломъ боя подъ Сарыкамышемъ совершился 18 декабря послѣ того, какъ были отбиты штыковая атаки 31-й турецкой дивизіи въ центрѣ и на правомъ флангѣ и турки перешли къ оборонѣ; переваль былъ взятъ не 21-го декабря, а 20-го въ 1 часть 30 минутъ дня; приказаніе полковнику Маслянникову отдать не генераль Берхманъ, а генераль Пржевальскій и при томъ не 20 декабря, а 19 въ семь часовъ утра».

Все это устанавливается документально и подтверждается представленными при донесеніи въ коніяхъ распоряженій генераль-майора Пржевальскаго и Вашихъ. Самъ генераль Пржевальскій въ своемъ рапортѣ доноситъ:

«Фактически руководить войсками Сарыкамышской обороны, начальникомъ которыхъ продолжалъ оставаться я, генераль Берхманъ началъ послѣ овладѣній частями Кубинскаго и 15-го Туркестанскаго стрѣлковаго полковъ собственно Бардусскимъ переваломъ, что затѣмъ

было закрѣплено пластунами 4-го и 5-го батальоновъ: Дербентцы во взятіи перевала не участвовали».

Нѣзъ вышеизложеннаго слѣдуетъ:

- 1) Задачу войскамъ Сарыкамышской обороны поставили не Вы.
- 2) По прибытіи въ Сарыкамышъ 18-го декабря въ командованіе войсками обороны не вступили, какъ то было условлено съ генераломъ Юденичемъ.
- 3) Войсками Сарыкамышской обороны до взятія Бардусскаго перевала руководилъ генераль Пржевальскій.
- 4) Вы же вступили въ командованіе послѣ взятія Бардусскаго перевала.

Итакъ, сводя все вышеказанное, заключаю, что Вы не были единственнымъ начальникомъ и не начальствовали Сарыкамышскимъ отрядомъ до взятія Бардусскаго перевала, почему я и не призналъ возможнымъ представить Васъ къ ордену Св. Георгія 4 ст., но нашелъ справедливымъ представить къ высокой награды - ордену Св. Александра Невскаго съ мечами за направленіе юпищи генерала Баратова и пластуновъ 2-ой бригады черезъ Бакушею, Каракуртъ къ Ель-Кечмезу, каковой маневръ былъ вполнѣ целесообразнымъ и способствовалъ общему нашему успѣху.

Въ виду всего изложеннаго, въ отношеніи награжденія Васъ орденомъ Св. Георгія 4-й степени считаю, что съ моей стороны вопросъ является вполнѣ исчерпаннымъ.

Уважающій Васъ гр. *Ворошиновъ-Дашковъ*.

Копія письма генерала Бергмана отъ 31 августа 1915 г. за № 70 графу Ворошинову-Дашкову.

*Составляющій въ распоряженіи Главнокомандующаго войсками Кавказской арміи
Генералъ-отъ-Инфантеріи Бергманъ.*

31 августа 1915 г. № 70. Гор. Тифлисъ. На № 19197.

Его Сіятельству П. П. Графу Ворошинову-Дашкову Главнокомандующему Кавказскою арміею.

ВАШЕ СІЯТЕЛСТВО,

Глубочайшимъ Графъ Паларіонъ Ивановичъ.

Высокая справедливость Вашего Сіятельства даетъ мнѣ полную надежду и увѣренность, что настоящее мое письмо, служащее мнѣ он-

равданіемъ по обвиненію меня, — будто бы въ неправильномъ представленіи мною данныхъ, изложенныхъ въ моемъ рапортѣ отъ 12-го января сего года за № 2, о командованіи мною войсками Сарыкамьшскаго отряда, — будетъ Вашимъ Сіятельствомъ разсмотрѣно въ сопоставленіи, представляемыхъ при семъ мною документовъ, съ донесеніями тѣхъ начальниковъ, кои показанія свои изложили въ особыхъ рапортахъ, послужившихъ основаніемъ отрицательнаго ко мнѣ письма Вашего Сіятельства отъ 4-го сего іюля за № 19197.

Генераль Юденичъ въ рапортѣ своемъ, отъ 4-го марта сего года за № 5, Вашему Сіятельству доноситъ, что «о передачѣ мнѣ генераломъ Мышлаевскимъ командованія ему было неизвѣстно, а извѣстно лишь то, что въ командованіе отрядомъ я не вступалъ и единолично войсками не командовалъ».

Въ опроверженіе сего рѣзкаго и неправильнаго противъ меня показанія, прошу разрѣшенія Вашего Сіятельства доложить о нижеслѣдующемъ:

Телеграмма за № 51 генерала-отъ-пифантеріи Мышлаевскаго, оставившаго 15-го декабря минувшаго года, утромъ, Сарыкамьшскій отрядъ и отбывшаго черезъ Каракуртъ въ Тифлисъ гласитъ: «Въ виду прорыва турокъ у Новоселима и создавшагося положенія у Карса, предлагаю Вамъ вступить въ командованіе войсками I-го Кавказскаго и Своднаго Корпусовъ».

Это предписаніе совершенно точно опредѣляетъ, что отнынѣ никто другой, а только я являюсь самостоятельнымъ и полноправнымъ начальникомъ, а главное отвѣтственнымъ предъ закономъ за участь большого вѣреннаго моему командованію отряда (арміи), состоящаго изъ двухъ армейскихъ корпусовъ — (I Кавк. и Туркестанскаго) — и многихъ частей, не входящихъ въ корпуса (дружины, эксплуатаціонныя баталіоны, нештатныя команды, тыловыя — питательныя, лѣчебныя и друг. учрежденія).

О томъ, что я вступилъ въ командованіе отрядомъ, я, того же 15-го декабря, донесъ Вашему Сіятельству № 95:

«Помощникъ Вашего Сіятельства генераль-отъ-пифантеріи Мышлаевскій выѣхалъ изъ Сарыкамьшскаго отряда въ 8 час. утра 15-го декабря черезъ Каракуртъ».

Въ то же время о своемъ вступленіи въ командованіе войсками отряда, я извѣстилъ всѣхъ соответствующихъ старшихъ подчиненныхъ мнѣ генераловъ и между ними генералу Юденичу 15-го декабря за № 937, телеграфировалъ:

«Генераль Мышлаевскій изъ Сарыкамьшскаго отряда по дѣламъ службы убылъ. Я вступаю въ командованіе этимъ отрядомъ».

На это Штабъ генерала Юденича (доцисъ кап. Гильбиха) запросилъ мой штабъ:

«Генераль Юденичъ проситъ дать свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Сарыкамышѣ».

Кромѣ этого первоначальнаго моего извѣщенія о моемъ командованіи, генераль Юденичъ, — за время, вѣдомой мною, съ моимъ штабомъ Сарыкамышской операциі, — одновременно получалъ отъ меня и точно исполнял мои ему предписанія, напр.:

1-ое. Телеграмма, относящаяся къ періоду отхода войскъ на Узгандукскія позиціи, 16-го декабря № 955.

«Станціи телеграфной роты должны сниматься вмѣстѣ съ проходомъ колоннъ главныхъ силъ, дабы телефонисты имѣли возможность убрать линію. При этомъ *предписываю* въ походныхъ колоннахъ держать связи въ глубину своими средствами, пользуясь, гдѣ возможно, принципкою аппаратовъ къ устроенныхъ линіямъ» и т. д.

2-ое. Телеграмма, относящаяся къ развитію боевъ въ еще необъединенныхъ командованіемъ арріергардахъ.

«19-го декабря № 996. Нынѣ занимаемыя нами арріергардныя позиціи Вашимъ корпусомъ и 39-ой дивизіей должны *быть прочно удержаны въ Вашихъ рукахъ* весьма продолжительное время, такъ какъ *я имѣю намѣреніе разбить непріятели подъ Сарыкамышемъ* и вновь перейти въ наступленіе на нашемъ фронтѣ. Разсчитываю, что при ожидаемомъ мною усилѣхъ подрывленія къ Вамъ придуть дня черезъ три».

3-ье. Той же телеграммой, 19-го декабря, за № 996, я объединяю командованіе двумя арріергардами подъ властью генерала Юденича и пишу ему:

«Отходъ нашихъ арріергардовъ долженъ быть объединенъ и 39-я дивизія должна дѣйствовать въ тѣсномъ единеніи съ Туркестанцами и зависѣть отъ нихъ, выполняющихъ особо важный и сложный маневръ, *почему организацію отхода на этотъ случай поручаю Вамъ*».

Объ этомъ моемъ распоряженіи я тогда же № 995 предписалъ и Начальнику средняго арріергарда генералу Де-Виттъ:

«Озабочиваясь усилѣхомъ дѣйствія арріергардовъ, я организацію ихъ въ смѣлѣ общаго управленія *поручилъ генералу Юденичу*».

4-ое. Говоря о дѣйствіи Сарыкамышскаго отряда, я въ телеграммѣ 19-го декабря за № 1013, генералу Юденичу пишу:

«При усилѣхъ сегодня, *я имѣю намѣреніе*, подкрѣпивъ Васъ, *перейти на Вашемъ фронтѣ въ наступленіе и разбить одиннадцатый турецкій корпусъ*».

5-ое. Въ одну изъ тяжелыхъ минутъ арріергарднаго боя, о чемъ мнѣ допелъ генераль Юденичъ, я ему, 20-го декабря № 1020, указалъ:

«Все силы, которыя подъ Сарыкамышемъ имѣю, сегодня въ бой

введены съ утра и бой еще не кончился. Но, въ случаѣ нужды, *пришло два батальона Дербентцевъ, оставшихся у меня въ резервъ*».

Позволено мнѣ будетъ думать, что сейчасъ представленные мною документы съ большою убѣдительною свидѣтельствуютъ, что генералъ Юденичъ долженъ былъ не только знать о томъ, что по отъѣздѣ генерала Мышлаевскаго, я вступилъ въ командованіе Сарыкамышскимъ отрядомъ, но и не могъ не знать того, что и во все остальное время дальнѣйшей операціи я, а никто другой, продолжалъ этимъ отрядомъ командовать единолично, властно и увѣренно, направляя всѣ ввѣренныя мнѣ многочисленныя колонны и группы войскъ къ единой цѣли — успешно побить врага, что Господь Богъ и благословилъ меня сдѣлать.

Въ дальнѣйшемъ своемъ докладѣ, я представлю Вашему Сіятельству еще шире доказательства своей единоличной и непрерывной дѣятельности по командованію отрядомъ и о подчиненіи мнѣ во все время операцій генерала Юденича. А теперь считаю себя обязаннымъ доложить, что, если бы генералъ Мышлаевскій, убывая изъ отряда, и не сдалъ мнѣ командованія, то я, руководствуясь §§ 7 и 8 «Устава Пол. Службы» изд. 12 года. — «обязанъ былъ, какъ старшій изъ Начальниковъ принять на себя общую команду, не ожидая на то особыхъ распоряженій».

Старшинство «Уставъ» считаетъ по должности, а при равныхъ должностяхъ по чину.

Генералъ Юденичъ въ данную пору являлся только командиромъ Своднаго корпуса, образованнаго генераломъ Мышлаевскимъ отъ имени Вашего Сіятельства приказомъ въ Медлингертѣ 11-го декабря мшувшаго года въ 4 час. 30 мин. пополудни.

Въ силу этого обстоятельства, я, какъ находящійся въ равной ст. генераломъ Юденичемъ должности и чиномъ старше его, обязанъ былъ вступить въ командованіе отрядомъ безъ промедленія.

Если бы генералъ Юденичъ и не зналъ телеграммы генерала Мышлаевскаго, а равно, по какимъ-либо случайнымъ обстоятельствамъ не получилъ моего къ нему предписанія за № 937 о моемъ вступленіи въ командованіе отрядомъ, онъ все же обязанъ былъ руководствоваться параграфами «Уст. Пол. Сл.» и не полагать себя, какъ онъ изволилъ въ своемъ рапортѣ № 5 выразиться, что онъ дѣйствовалъ «какъ равный съ равнымъ».

Двоевластія, конечно, не могло быть мною допущено и въ дѣйствительности его и ни одной минуты въ отрядѣ не было.

Въ случаѣ несогласія генерала Юденича съ моимъ старшинствомъ, онъ обязанъ былъ тогда же объ этомъ заявить либо личнымъ объясненіемъ со мной по этому поводу, либо своимъ приказомъ или контръ-приказомъ.

Но разъ этого не было сдѣлано, следовательно генераль Юденичъ зналъ, что въ отрядѣ есть уже полномочное командующее лицо и что лицомъ этимъ былъ именно я, ибо онъ постоянно со мной спосылалъ, какъ лично по телефону, такъ и черезъ командированныхъ лицъ. Въ то же время онъ исполнялъ все мои приказанія, какъ я выше доложилъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда, по его выраженію, онъ «властно настаивалъ» и когда мысли и желанія его шли въ разрѣзъ съ моими.

Такъ, указку на слѣдующее: генераль Юденичъ, говоря о себѣ выражается: «на необходимости задерживаться на арріергардныхъ позиціяхъ указалъ и настоялъ я, настаивалъ властно».

Необходимость задерживаться на арріергардныхъ позиціяхъ совершенно естественна при всякомъ отходѣ войскъ подъ ударами противника, тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ, когда арріергардамъ некуда было идти, ибо путь черезъ Сарыкамышъ противникомъ былъ занятъ. Конечно, указанная необходимость и мнѣ хорошо была извѣстна, и при томъ она давно уже была мною указана войскамъ, когда имъ передавался къ исполненію особый планъ и порядокъ отхода войскъ съ передовыхъ позицій въ томъ числѣ дано было такое же предписаніе и генералу Юденичу.

Отходъ войскъ на Саганлугскія позиціи составляетъ только часть широкаго плана *) всей Сарыкамышской операціи, созданнаго лично мною и разработанаго при участіи моего штаба и въ этомъ планѣ генераль Юденичъ никакого участія не принималъ, а получилъ лишь приказаніе объ отходѣ его корпуса и исполнилъ все согласно моего желанія и предписанія.

Вотъ тогда-то, это было 17-го декабря, когда уже средний арріергардъ генерала Де-Виттъ отходилъ съ Чермукекой позиціи на Меджингертъ, генераль Юденичъ дѣйствительно настаивалъ на томъ, чтобы этотъ арріергардъ задержать на Чермукѣ еще одиѣ сутки. Онъ мнѣ объ этомъ писалъ и, кромѣ того, командировалъ для личнаго мнѣ объ этомъ доклада Ген. Штаба капитана (вышѣ подполковника) Драценко. Но дабы не нарушить моего общаго плана и черезъ то не подвергнуть нѣкоторыя отходящія колонны опасности быть разбитыми, я «настояннѣ» генерала Юденича не принялъ и приказалъ ему исполнить согласно мною предначертаннаго.

Такимъ образомъ отходъ всѣхъ войскъ съ передовыхъ позицій продолжался до тѣхъ поръ, пока я 18-го декабря не остановилъ его.

Полагаю, что генераль Юденичъ этотъ эпизодъ векомнитъ и рядомъ со своею неслышанною мною «властностью» поставитъ и мою «властность», которой онъ, — вопреки мнѣнію своего, «настояннѣ» и донесенія о томъ Вашему Сіятельству, — подчинился.

*) Планъ операціи будетъ доложенъ ниже.

Что все это было такъ, не сомнѣваюсь, — подтверждать мой Начальникъ Штаба генераль-маіоръ Ласточкинъ и чины Генеральнаго Штаба подполковникъ Сергѣевъ и капитанъ Соколовъ, да и увѣренно думаю, что и самъ капитанъ (нынѣ подполковникъ) Драценко, которому в время этого же его миѣ доклада, Начальникомъ моего Штаба, отъ моего имени, было замѣчено, что генераль Юденичъ сносится съ Главнокомандующимъ помимо меня, на что права онъ не имѣеть. Какъ бы въ оправданіе этого дѣйствія капитанъ Драценко доложилъ, что до сего времени была посылка, минуя меня, лишь одна телеграмма и что копію таковой, за недосугомъ, они миѣ представить не успѣли.

Все это еще разъ и положительно подтверждаетъ, что о моемъ командованіи отрядомъ генералу Юденичу нельзя было не знать и, что командованіе это во все дни его было дѣятельно, единолично и властно.

Теперь позволено миѣ будетъ, опираясь на такіе же точные и неопровержимые документы, опровергнуть неправильное сужденіе о моемъ отступленіи и неправильный доклад Вашему Святѣйству генерала Пржевальскаго (рапортъ его отъ 2-го мая сего года за № 75) и штаба обороны и доказать, что и въ отношеніи этой группы, — группы войскъ генерала Пржевальскаго, — мною было проявлено такое же личное мое надъ нею руководство, какъ и надъ всеми остальными войсками отряда и при томъ въ теченіе всего періода Сарыкамьшеской операціи, начиная съ минуты моего вступленія въ командованіе отрядомъ — 15-го декабря по день разгрома турокъ подъ Сарыкамьшемъ, который совершился исключительно по моему плану, по моему приказу и подъ непосредственнымъ моимъ руководствомъ.

Но, чтобы все послѣдующее было вполне ясно, убѣдительно и доказательно, я полагаю необходимымъ сперва доложить Вашему Святѣйству общій планъ всей Сарыкамьшеской операціи, изъ котораго, лишь какъ составныя его части, вытекають отдѣльныя дѣйствія войсковыхъ группъ и колоннъ: генераловъ Юденича, Пржевальскаго, Де-Виттъ, Баратова, Габаева и др. начальниковъ.

Планъ этотъ неотъемлемо принадлежитъ миѣ, — онъ разработанъ и побѣдно проведенъ въ жизнь лично мною, въ сотрудничествѣ Начальника моего Штаба генераль-маіора Ласточкина (тогда полковника) и капитановъ Соколова и Сергѣева (нынѣ подполковника) и, конечно, исполнителей его, всехъ большихъ и малыхъ начальниковъ вѣршнихъ моему командованію доблестныхъ Кавказскихъ и Туркестанскихъ войскъ.

Планъ состоялъ въ томъ, чтобы прежде всего направить въ Сарыкамьшъ такое число войскъ, которое могло бы противостоять, не взирая еще опредѣленному по численности непріятелю, туда приближающемуся, а затѣмъ оставить на нашемъ фронтѣ такую войсковую силу,

которая могла бы патежно бороться съ единичнымъ турецкимъ корпусомъ, усиленнымъ войсками Эрзерумской крѣпости и наступающимъ на насъ со стороны Кермана.

Найти это необходимое равновѣе силъ являлось задачей чрезвычайно трудной и въ то же время высоко-отвѣтственной, такъ какъ отъ правильнаго рѣшенія таковой въ огромной долѣ зависѣлъ успѣхъ всей операціи: но, благодаря Бога, это равновѣе было мною найдено и въ строгой последовательности было проведено въ исполненіе и въ жизнь.

Фронтъ моихъ позицій: Санмеръ-Ардосъ-Хоросанъ-Юзверанъ имѣетъ протяженіе около 35-ти верстъ и позиціи эти лежатъ отъ Сарыкамьша въ разстояніи отъ 60-ти до 80-ти верстъ. Въ тылу сильный и многочисленный врагъ грозитъ неминуемой гибелью Сарыкамьшу и являлъ уже намъ желѣзнодорожный путь съ Карсомъ.

Продовольствія у меня, со всѣми Сарыкамьшскими складами, оставалось хватить на 8-10 дней (съ 19 декабря ежедневная дача людямъ хлѣба была мною уменьшена до одного фунта), мѣстныхъ средствъ нѣтъ; боевые запасы въ ограниченномъ количествѣ.

Въ такихъ условіяхъ первой и естественной мыслью каждаго начальника, оказавшагося на моемъ мѣстѣ, должно быть желаніе во что бы то ни стало открыть себѣ путь къ Карсу и для этого надо либо разбить противника у Сарыкамьша и отбросить его въ сторону, либо, если бы это оказалось намъ не подъ силу, сквозь него пробиться.

Такимъ образомъ мнѣ предстояло избрать то или другое рѣшеніе, а еще лучше сочетать оба рѣшенія въ одномъ, въ такихъ условіяхъ, чтобы изъ лучшаго — разбить противника, могло вытекать, при неудачѣ, второе, хоть и менѣе желательное, — пробиться сквозь ряды турокъ и уйти съ войсками въ Карсъ.

Казалось бы, что этотъ выводъ правильный и его никто обанаривать не можетъ и не станеть.

Во исполненіе того или другаго рѣшенія, т. е. разбить — ли врага или только пробиться сквозь него, мнѣ прежде всего, для прочности обороны половиннымъ челомъ войскъ, было необходимо сдвинуть фронтъ моихъ позицій, расположенныхъ противъ XI корпуса, угрожавшаго мнѣ опаснымъ прорывомъ.

Генераль Де-Виттъ 15-го декабря телеграфируетъ: «Турки новели энергичную атаку на лѣвый флангъ нашей позицій, а также центръ у Ардоса. Ведется также ими атака на Хоросанъ, защищаемый двумя ротами Бакинцевъ: въ виду важнаго значенія Хоросана, — отъ него отходятъ пути Н. Ахаликъ и Чермукъ, усиливую этотъ флангъ: въ виду создавшагося положенія *оказать соодѣствіе Туркестанцамъ не могу*».

Тогда же, второй телеграммой, онъ мнѣ доноситъ: «Въ 5 часовъ

вечера *части отошли подъ давленіемъ противника, въ полномъ порядкѣ съ Аванкейской позиціи на лавандю».*

Этого служенія я достигалъ только отводомъ войскъ назадъ на наши Саганлугскія позиціи: Караурганъ — Меджингертъ, направляя въ то же время отдѣльную конную группу на Башкейское плато, гдѣ, въ случаѣ нужды, она могла легко укрыться за Араксомъ у Каракурта.

Новая позиція Караурганъ — Меджингертъ, ставши протяженіемъ только 12 верстъ, позволила мнѣ еще болѣе ослабить мой фронтъ и взять отъ него въ Сарыкамьши еще нѣкоторыя войсковыя части. Запятиемъ этихъ новыхъ позицій, я въ то же время въ половинну сократилъ и разстояніе до нихъ отъ Сарыкамьши, которое вмѣсто 60-80-ти верстъ стало теперь только 30-ть верстъ. Эта, вдвое сокращенная, близость новыхъ позицій къ Сарыкамьшу позволяла мнѣ безъ особаго затрудненія, въ случаѣ нужды, подкрѣплять ту или другую изъ своихъ сторонъ, т. е. свои арріергарды или Сарыкамьшскую группу, а въ случаѣ крайности, сблизившись теперь съ моими арріергардами, мнѣ было легче пробиваться на Карсъ. Были многія и другія выгоды такого сблизенія, на примѣръ: подвозъ къ войскамъ продовольствія и боевыхъ припасовъ.

Когда по всестороннему обсужденію, для меня вполнѣ ясно обрисовались способы и возможность искуснымъ маневромъ и упорнымъ боемъ вывести вѣрныя мнѣ войска изъ тяжкаго положенія, въ которомъ онѣ въ данную минуту оказались, я отдалъ приказъ войскамъ, стоящимъ на фронтѣ, начать отходъ съ передовыхъ позицій на Саганлугскія и на Башкейское плато.

Что такое распоряженіе было совершенно правильно и естественно, и вытекало изъ обстановки, никого изъ вѣрныхъ мнѣ Начальниковъ не удивило и ему легко и безъ всякаго возраженія подчинился всѣ генералы, а въ томъ числѣ и генераль Юденичъ, который, какъ я уже выше доложилъ, просилъ меня 17-го декабря лишь о задержаніи арріергарда генерала Де-Виттъ на позиціи у Чермука на одинъ день, чего я, по объясненнымъ выше причинамъ, разрѣшить не могъ и отходъ продолжался.

Какъ понимали, такъ сказать, это мое отступленіе и какъ къ нему относились другіе генералы приведу для примѣра телеграмму генерала Баратова ко мнѣ отъ 15-го декабря.

«Отъ лица всей правобережной казачьей группы приношу Вашему Высокопревосходительству сердечное поздравленіе съ избавленіемъ отъ грозившей нашему общему положенію опасности. Всѣ командиры, офицеры и казаки вѣрной мнѣ группы воодушевлены желаніемъ традиціонной побѣды надъ нашимъ историческимъ противникомъ и были безконечно оторчены движеніемъ назадъ. Теперь же всѣ подобно»

своему Командиру корпуса восприняли духомъ въ этой могучей надеждѣ».

Отдавая такимъ образомъ распоряженіе объ отходѣ съ передовыхъ позицій, мнѣ въ то же время пришлось все свое вниманіе устремить и на Сарыкамышъ. Оныя есть ворота, которыя въ данную пору для меня и для отряда крѣпко заперты врагомъ. Естественно надо эти ворота во что бы то ни стало раскрыть и для этого я ежечасно, соображая кого можно взять съ фронта, шло туда подкрѣпленія, инструкторю начальниковъ гарнизона по телефону и предписаніями и шло имъ — сперва полковнику Барковскому, а послѣ генералу Прижевальскому особья телеграммы, съ указаніемъ «бить турокъ въ Сарыкамышъ во что бы то ни стало», и тѣмъ скорѣе освободить отрядъ изъ того тяжкаго положенія, въ которомъ оныя находится.

Эти телеграммы приведены въ письмѣ Вашего Сіятельства, какъ бы доказательство того, что я съ одной стороны хотѣлъ съ отрядомъ отступать, а съ другой стороны, вфронтно, какъ указаніе на самостоятельность Сарыкамышской группы.

Что мною дѣйствительно предпринять быль отходъ, я и самъ утверждаю и о немъ говорить все мои предыдущія разсужденія и даже болѣе того, я старался заглянуть далеко впередъ, тревожась мыслью о томъ, чѣмъ я буду кормить людей послѣ того, когда побью турокъ или только пробьюсь черезъ нихъ. На этотъ случай — о заготовленіи хлѣба на весь отрядъ — я нѣсколько разъ телеграфировалъ Коменданту Карса.

Я предписывалъ также и генералу Габаеву, требуя его къ себѣ на помощь. Но все же все эти мои распоряженія, какъ смѣю думать, отнюдь не могутъ служить мнѣ упрекомъ, а скорѣе одобреніемъ моей широкой, всесторонней дѣятельности, моей далекой и необходимой для старшаго отвѣтственнаго Начальника предусмотрительности.

Что же касается возможности усмотрѣть въ моихъ телеграммахъ будто бы указаніе о передачѣ мною Начальнику Сарыкамышской группы, полной самостоятельности и независимости отъ меня — то это едва ли возможно, такъ какъ оныя прямо-таки свидѣтельствуютъ, что цѣль ихъ подбодрить войска группы и воздѣйствовать на нихъ морально. Къ этому приему я вообще часто и съ пользою прибѣгалъ въ своихъ предписаніяхъ, телеграммахъ и рѣчахъ. Къ слову сказать, мнѣ доводилось въ критическую минуту именно и налегать на этихъ доблестныхъ, беззавѣтно храбрыхъ и славныхъ Кабардинцевъ, отъ которыхъ всегда ждалъ себѣ вѣрной выручки.

Телеграммы эти, какъ мнѣ кажется, не только не свидѣтельствуютъ о томъ, что я сложилъ свою власть, а скорѣе убѣдительно доказываютъ, что я не ограничивался властью лишь въ смыслѣ исключительныхъ

распоряжений и приказаний, а иногда, и даже часто прибѣгаль къ моральному воздѣйствію на войска.

Итакъ, отходъ съ передовыхъ позицій былъ мною рѣшенъ и предписанъ. Во исполненіе такового, были образованы три большихъ, отдѣльныхъ, самостоятельныхъ арьергарда: генерала Юденича — правый, отходящій отъ Саномера на Зивинъ и Караурганъ; средний — генерала Де-Виттъ, слѣдующій отъ Ардоса, чрезъ Чермузь, на Меджингертъ и лѣвый — генерала Баратова шелъ чрезъ Делибабу, Каракилису на Башкейское плато.

Для связи между колоннами генерала Баратова и генерала Де-Виттъ назначенъ былъ особый конный отрядъ полковника Федюшкина (казачій полкъ съ конной батареею), который, подходя къ Сурихачу, получалъ еще и другую задачу — прикрывать всеъ доступы чрезъ эту гору. Сверхъ этихъ колоннъ у Ханскаго поста близъ Бардусскаго перевала, находился особый отрядъ — заслонъ, прерывавшій кратчайшій путь сообщенія турокъ между Сарыкамышемъ и Эрзерумомъ.

Этотъ отрядъ, имѣвшій первоначальной цѣлью обезпечить нашъ правый флангъ, еще 10-го декабря въ составѣ стрѣлковаго полка съ батареею, былъ выдвинутъ мною къ Сырбасану и вошелъ въ связь съ пограничнымъ моимъ отрядомъ на Бардусскомъ посту. Этотъ небольшой отрядъ, прикрывавшій правый флангъ, генераломъ Юденичемъ былъ значительно усиленъ и обратился въ надежный отрядъ-заслонъ.

Обозы всехъ войскъ съ передовыхъ позицій были отодвинуты: Туркестанскаго корпуса въ самый Сарыкамышъ, а частью онѣ сосредоточились у станицы Саганлугъ, а обозы I Кавказ. корпуса-колоннъ: генераловъ Баратова и Де-Виттъ пошли чрезъ Делибабу на Башкей, откуда были мною направлены, — подъ командой полковника Хетогурова, — въ Кагызманъ, а послѣ сосредоточились близъ сел. Владикарь.

Съ перваго дня появленія турокъ подъ Сарыкамышемъ, тамъ нами стала формироваться особая группа войскъ, которой задача была противостоять подходящему къ Сарыкамышу противнику. Эта группа по своей численности была сперва очень незначительна, — въ нее вошли лишь войска Сарыкамышскаго гарнизона (двѣ дружины, двѣ эксплуатационныя роты и разныя нештатныя команды, тамъ же оказались, кажется, 4 пулемета 2-й пластунской бригады). Распоряженіемъ генерала Мышлаевскаго, тогда еще бывшаго въ отрядѣ, во главѣ этихъ войскъ въ первый день были поставлены находившіеся въ Сарыкамышѣ генераль-маіоръ Воронановъ, полковникъ Букретовъ, полковникъ Рубенану (вѣдающій снабженіемъ Сарыкамышскаго отряда), полковникъ Зянковскій и нѣкоторые другія лица. Ответственнымъ Начальникомъ явился старшій изъ нихъ генераль-маіоръ Воронановъ, котораго, од-

нако, вконец замѣнилъ полковникъ Барковский, прибывшій тутъ съ Кабардинскимъ полкомъ.

Полковникъ Букретовъ, получивъ въ свое непосредственное командованіе некоторую часть войскъ, выдвинулся съ ними къ Верхнему Сарыкамышу навстрѣчу передовому отряду турокъ, направлявшемуся на Бардусскій переваль (лежитъ въ 4-хъ верстахъ надъ Верхнимъ Сарыкамышемъ). Здѣсь, 12 декабря произошла первая встрѣча съ непріателемъ и полковникъ Букретовъ успѣшно отразилъ его атаки на Сарыкамышъ; но съ прибытіемъ къ туркамъ значительныхъ подкрѣпленій, онъ принужденъ былъ отойти къ В. Сарыкамышу, гдѣ и задержался. Когда же къ Сарыкамышу стали подходить съ фронта наши подкрѣпленія, то полковникъ Букретовъ снова и во все послѣдующіе дни стремится отнять у турокъ Бардусскій переваль, имѣющій громадное значеніе, какъ высшая точка, лежащая на пути движенія турокъ и какъ высота, командующая надъ всею Турнагельскимъ хребтомъ, охватывающимъ Сарыкамышъ съ сѣверо-запада-сѣвера и по которому стали располагаться подходящіе турскіе войска.

Остальная войска гарнизона, — сперва съ Генераломъ Веронановымъ, потомъ съ Полковникомъ Барковымъ, а впоследствии, съ 16-го декабря, и съ Генераломъ Прижевальскимъ, подкрѣпляя Букретова, — обороняли желѣзнодорожный вокзалъ и Нижний Сарыкамышъ. На этой линіи обороны за весь періодъ осады Сарыкамыша наши войска выдерживали многочисленный рядъ упорныхъ атакъ турокъ, произведенныхъ днемъ и ночью.

Изъ изложеннаго вытекаетъ, что для успѣшной обороны и для господства нашего надъ турками, намъ прежде всего надлежало прочно стать на Бардусскомъ перевалѣ, который и въ дѣйствительности, какъ это уже доложено, съ перваго нашего столкновенія съ турками является для насъ пазойщвой и исключительной цѣлью дѣйствій. Къ этой цѣли по-очереди стремятся все слѣдующее другъ за другомъ Начальники, Полковники: Букретовъ, Барковский и Генералъ Прижевальскій.

Что это такъ, вѣроятно, подтвердятъ чины моего штаба и Штаба Генерала Мышлаевского, который, въ бытность свою Начальникомъ Сарыкамышскаго отряда 13 и 14-го декабря, черезъ своего Начальника Штаба и другихъ лицъ, непрестанно и настоятельно, — бесѣдуя по телефону съ Сарыкамышемъ, — все время добивался взятія Бардусскаго перевала.

Вышеприведеннымъ я хочу доложить, что идея взятія Бардусскаго перевала возникла въ первый моментъ появленія турокъ и возникла совершенно естественно, вытекая изъ сущности вещей, и собственно права на эту идею никто имѣть не можетъ.

Обращаясь вновь къ изложенію общаго плана всей Сарыкамыш-

ской операциі, Вашему Сіятельству имѣю честь доложить, что 15-го декабря, — въ день моего вступленія въ командованіе отрядомъ — Генераль Пржевальскій, направляемый съ вѣренной ему пластунской бригадой въ Сарыкамышъ, только что въ это утро выступалъ изъ Меджингерта. Я видѣлся съ нимъ и видѣлъ славныхъ пластунъ, когда они двигались въ Сарыкамышъ.

Въ утро этого дня, 15 декабря, когда только что началось движеніе пластунъ, я уже вступилъ въ должность Начальника Сарыкамышскаго отряда, и тогда же приказалъ Генералу Пржевальскому выдѣлить двѣ сотни пластунъ и, придавъ имъ одну батарею, командировать ихъ въ селеніе Мечетли, дабы воспрепятствовать тамъ возможному распространенію турокъ отъ Сарыкамыша на Каракуртъ.

Мое предписаніе Генералу Пржевальскому отъ 15 декабря, за № 4: *«Предписываю Вамъ, съ полученіемъ сего, выдѣлить двѣ сотни пластунъ, два легкихъ орудія 39-й бригады и 2 пулемета и немедленно отпрать ихъ по пазульной дорогѣ черезъ пещь Неламзоръ — на Каракуртъ, дабы этотъ отрядъ составилъ тамъ боковой авангардъ, прикрывающій проходящія войска и обозы со стороны Сарыкамыша. Отряду полагаю бы занять позицію, гдѣ либо около Мечетли, и наблюдать въ сторону Сарыкамыша. Довольствоваться мѣстными средствами, уплачивая наличными деньгами съ отдачей о томъ въ приказѣ по части».*

Затѣмъ, Генераль Пржевальскій продолжалъ свое движеніе, а я, въ этотъ и послѣдующіе дни, на усупленіе его, сталъ командировать ему вслѣдъ другія войсковыя части (преимущественно артиллерію), каковыя находилъ желательнымъ и возможнымъ снимать съ нашего фронта.

Возникшее сейчасъ мое взаимоотношеніе съ Генераломъ Пржевальскимъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что этотъ Генераль съ 15-го декабря утра, — слѣдуя въ Сарыкамышъ, и тутъ-же, исполняя мое приказаніе о выдѣленіи нѣкоторой своей части, — находился въ полномъ и непосредственномъ моемъ подчиненіи, какъ Начальника Сарыкамышскаго отряда; а кромѣ того онъ-же, съ вѣренной ему пластунскою бригадою, былъ мнѣ еще и подчиненъ, какъ своему командиру корпуса.

Въ силу изложеннаго, я позволяю себѣ нѣсколько удивиться тому обстоятельству, что Генераль Пржевальскій въ своемъ рапортѣ, отъ 2-го мая сего года за № 75, допускаетъ мысль о какой-то его самостоятельности и даже говорить о ней и въ то время, когда я, такъ сказать, его двойной начальникъ прибылъ въ Сарыкамышъ, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ совместно съ нимъ.

За отъѣздомъ изъ отряда Генерала Мышлаевскаго и по моемъ

вступленіи въ командованіе отрядовъ. Генераль Пржевальскій уже не только не имѣетъ права руководствоваться его инструкціями, но даже ссылаться на нихъ.

Съ этой минуты въ отрядѣ дѣйствуетъ одна моя воля и исполняются только мои приказанія.

Генераль Пржевальскій при мнѣ съ бригадою направился въ Сарыкамышъ, при мнѣ, и уже только съ моего разрѣшенія, вступилъ тамъ въ командованіе Сарыкамышской группой. А стало-быть, о томъ, что я вступилъ въ командованіе отрядомъ и, что онъ подчиненъ только мнѣ и нѣтъ у него другого начальника, Генераль Пржевальскій знаетъ и не изъ одного нашего взаимно-служебнаго положенія, но и былъ утверждень въ этомъ званіи еще и самимъ Генераломъ Мышлаевскимъ, при-славившимъ ему особую руководящую телеграмму: это видно изъ первой-же ко мнѣ телеграммы Генерала Пржевальскаго изъ Сарыкамыша, отъ 16-го декабря, за № 4, которой онъ доноситъ: «15-го декабря, ночью, съ полученіемъ (мною) телеграммы Генерала Мышлаевскаго *о сдать (имѣ) командованія войсками Вашему Высокопревосходительству*, (я) рѣшилъ, для того, чтобы открыть путь войскамъ Сарыкамышской группы, продолжать наступленіе на турокъ, занимающихъ позицію на высотахъ къ сѣверу отъ Сарыкамыша» и т. д., гдѣ онъ излагаетъ свой боевой приказъ.

Затѣмъ, отъ 16-го, 17-го и 18-го декабря Генераль Пржевальскій получаетъ мои указанія и многократно мнѣ доноситъ о своихъ дѣйствіяхъ, свидѣтельствующихъ о полной и сознательной его мнѣ подчиненности, таковы телефонограммы:

1-я, 16-го декабря, № 32: «Въ настоящее время всѣ усилія направлены на овладѣніе Бардусскимъ переваломъ и на отраженіе наступленія съ сѣверо-востока, на послѣднемъ направленіи достигнуты успѣхи, на первомъ — турки оттѣшены до южныхъ опушекъ Турнагельскихъ высотъ. Шоссейное движеніе свободно съ сумерекъ и только днемъ подвергается обстрѣлу турецкой батареей съ Бардуса, хотя и днемъ смѣлые обозы проходятъ безъ потерь. Инструкція 320 получена».

2-я, 17-го декабря, № 36: «Накапливаніе турокъ въ ущельѣ, гдѣ проходитъ желѣзная дорога, завершилась ихъ нападеніемъ на мостъ, при чемъ убитъ Полковникъ Кравченко и подьесаулъ Гензель. Устанавливаемъ прожекторъ на горахъ у казармъ».

3-я, 17-го декабря, № 47:

«*Доклаиваю* концы телефонограммъ, полученныхъ мною о результатахъ сегодняшняго боя» и т. д. Слѣдуютъ донесенія частныхъ начальниковъ, подчиненныхъ Генералу Пржевальскому.

4-я, 17-го декабря, № 586: «Начальникъ коннаго отряда, 2 час. 15 мин. дня доноситъ, что въ 1 час. 30 мин. дня отрядъ пошелъ до сел.

Ель-Кечмезъ, который былъ занять силами турокъ» и т. д., слѣдуетъ описаніе дѣйствій упомянутого отряда.

5-я. 17-го декабря, № 971:

Предписаніе Генералу Пржевальскому отъ моего имени Начальника моего штаба: «Въ Сарыкамышѣ до начала боевъ скончилось болѣе двухъ тысячъ запасныхъ, высланныхъ на укомплектованіе частей Сарыкамышскаго отряда. *Начальникъ отряда приказалъ* одну треть укомплектованій распределить по частямъ, дѣйствующимъ подъ Сарыкамышемъ, на пополненіе понесенной ими убиты. Сообщите, сколько укомплектованій, въ какую часть будетъ Вами назначено, вмѣстѣ съ запасными распределите только что вынужденныхъ изъ училища прапорщиковъ, расчитывая двадцать въ первую пластунскую, двадцать пять — во вторую, прочихъ — въ армейскую пѣхоту. Списокъ прапорщиковъ имѣется у старшаго прапорщика Чечеля».

Кромѣ сихъ примѣрныхъ телеграммъ, говорящихъ о частыхъ донесеніяхъ Генерала Пржевальскаго мнѣ, какъ начальнику отряда, имѣются также нѣсколько донесеній и Полковника Букретова, который, вслѣдствіи частой смѣны старшихъ начальниковъ въ Сарыкамышѣ, пошелъ болѣе правильнымъ о своихъ дѣйствіяхъ на Бардускомъ перевалѣ непосредственно извѣщать и меня, а именно:

1) отъ 17-го декабря (№ 157): «Наступленіе идетъ хорошо, *высоты Бардусскаго перевала постепенно занимаются нами*».

2) Отъ 17-го декабря (№ 157): «На западномъ склонѣ Бардусскаго перевала обнаружены турецкіе окопы, у которыхъ видны отдѣльные люди» и т. д. Слѣдуютъ подробности боя на Бардускомъ перевалѣ.

Послѣ только что мною доложеннаго можетъ ли явиться какой-либо вопросъ о правѣ генерала Пржевальскаго на самостоятельность и независимость отъ меня, когда, 18-го декабря, я лично прибылъ въ Сарыкамышъ, на мѣсто дѣйствія войсковой группы, подчиненной Генералу Пржевальскому, но руководимой мною. За ея конечныя — побѣдныя или, избави Богъ, неудачныя боевыя дѣйствія, отвѣтственнымъ былъ только я и никто другой.

Въ письмѣ Вашего Сіятельства, указано, что, по моемъ прибытіи въ Сарыкамышъ, я въ командованіе войсками не вступилъ.

Это заключеніе основано на рапортѣ Генерала Пржевальскаго за № 75, въ которомъ онъ докладываетъ, что «по прибытіи въ Сарыкамышъ, я предоставилъ ему самостоятельно руководить войсками Сарыкамышской обороны».

Ваше Сіятельство, Генералъ Пржевальскій очевидно неправильно посылъ обычную и часто произносимую Начальникомъ, въ извѣстныхъ

случаяхъ, фразу: «Я Вамъ мѣшать не буду, продолжайте Ваше командованіе войсками».

Каждый изъ подчиненныхъ мнѣ шести-семи крупныхъ начальниковъ, въ данную минуту дѣйствовали при условіяхъ той-же самостоятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ все они ежeminутно и всецѣло подчинялись моему управленію.

Могъ-ли я, — все время руководя Генераломъ Прижевальскимъ издали изъ Медкингерта, что видно изъ приложенныхъ выше документовъ — отказаться отъ контроля надъ нимъ, въ то время, когда съ этою спеціальною цѣлью прибылъ въ Сарыкамышъ.

Ведя одновременно шесть большихъ колоній и нѣсколько второстепенныхъ къ одной общей высокой побѣдной цѣли, — могъ ли я, повторяю, выпустить изъ своихъ рукъ бразды высшаго правленія, хотя надъ одной изъ нихъ, хотя бы на самое короткое время.

Нѣтъ, конечно, нѣтъ, — это не могло быть мнѣ допущено, ни по закону, — не дающаго мнѣ права передовѣрія власти и ответственности, при личномъ нахожденіи при войскахъ, — ни тѣмъ болѣе изъ опасенія неизбежнаго и полнаго черезъ то разстройтва общаго, широкаго исполненія всей Сарыкамышской операціи.

Надо ли доказывать какими либо особыми документами, что я, какъ старшій Начальникъ и послѣ моихъ словъ: «Я Вамъ не буду мѣшать», остался тѣмъ же старшимъ, ответственнымъ и общимъ руководителемъ надъ Сарыкамышской группой, какъ и надъ всѣми остальными.

Всѣ мои послѣдующія распоряженія, которыя я съ 19-го декабря утра дѣлаю по всѣмъ колоніямъ, для подготовки генеральной атаки противника, непременно доказываютъ, что группа Генерала Прижевальскаго не могла быть отъ нихъ независимой. Эти распоряженія суть слѣдующія:

1) Предписаніе Генералу Баратову *19-го декабря № 997*: «*Завтра атакую противника подъ Сарыкамышемъ и долженъ разбить его. Во исполненіе сего предписываю оставить для прикрытія Вашкейскаго плато и Каракурта аріергарды, силою по Вашему усмотрѣнію, руководствуясь соображеніями съ силами насѣдающаго противника и съ необходимостью долго и упорно его задерживать, дабы: первое, мы могли окончить операцію у Сарыкамыша, и, второе, дать возможность уйти спокойно нашимъ обозамъ, направляемымъ на Кагызманъ. Съ остальными войсками Вамъ сегодня же, буде не помѣшаютъ какія либо особія обстоятельства, слѣдуетъ двигаться на Мечетли и Амамы, куда прибыть къ вечеру и возможно не обнаруживая себя туркамъ, тамъ стать на ночлегъ. Немедленно установить со мною въ Сарыкамышъ связь и сообщить о прибытіи Вашихъ силъ. Рекомендую оставить осо-*

бо надежнаго Начальника аррьергарда. — думаю, что Полковникъ Колубакинъ отвѣчать этому требованію. Въ составъ аррьергарда у Каракурта должна войти и 583 дружина, *о чемъ, вмѣстѣ съ самъ, посылаю предписаніе съ командирю.* О полученіи этой телеграммы, увѣдомьте».

2) 19-го декабря Генералу Баратову № 1000: *«Обстоятельства не терять ни малѣйшаго промедленія въ операціяхъ, которыя должны быть завтра исполнены и окончены.* Необходимо крайнее напряженіе силъ, чтобы добиться успѣха, могущаго дать намъ полный отдыхъ. Напрягите всѣ силы, стяните кого можно, безъ ущерба дѣлу и безъ крайняго утомленія, всѣхъ, могущихъ съ утра 20 принять участіе въ бою».

3) Генералу Баратову 20-го декабря, № 1018: *«Сегодня 20 декабря, въ Але-Софи сосредоточится 4½ батальона пѣхоты 2-й бригады и 10 конныхъ сотенъ изъ состава Вашей дивизіи. Предлагаю Вамъ присоединить къ этому составу отряды Генерала Воронова и Габасва, вышедшіе изъ Карса и, по имѣющимся свѣдѣніямъ, находящіеся между Ново-Селимомъ и Ель-Кечмезомъ. Произведя этими силами развѣдку о силахъ непріятеля у Дивика и Чатаха, — рѣшительно атаковать турокъ и отбросить ихъ возможно далѣе отъ полотно желѣзной дороги, а конницей вмѣстѣ съ тѣмъ отрезать имъ путь отступленія на сѣверо-западъ. Имѣть въ виду, что у Дивика и Чатаха я предполагаю лѣвый флангъ турокъ, а правый ихъ флангъ находится на хребтѣ къ сѣверу отъ В. Сарыкамыша. Нашими непрестанными атаками турки значительно отодвинуты въ горы и, новѣйшиму, очень ослаблены холодомъ, голодомъ, понесенными пораженіями и готовятся къ отступленію, а потому Ваши дѣйствія должны носить самый рѣшительный характеръ. На фронтъ и на правомъ флангѣ послѣдуютъ наши атаки, какъ только станетъ извѣстно о Вашемъ наступленіи съ тою же цѣлью, со стороны Дивика и Чатаха. При всѣхъ условіяхъ Вашихъ дѣйствій противъ непріятеля, одна изъ главнѣйшихъ цѣлей Вашихъ должна быть удержаніе въ нашихъ рукахъ желѣзнодорожной линіи на Карсъ и обезпеченія ея отъ поврежденія со стороны непріятеля, дабы безпрепятственно происходить подвозъ по ней всякаго рода припасовъ, эвакуація больныхъ, раненыхъ и пѣхотныхъ. Со мною должны держать непрерывную связь и чаще присылать донесенія, дабы не разойтись въ дѣйствіяхъ съ остальными частями отряда».*

4) Генералу Баратову 20-го декабря, № 1039: За истекшій день, на Сарыкамышскомъ фронтѣ произошло мало новаго. *Только отъ Бардуса, черезъ молуканскія кочевки подошелъ въ сферу операцій нашею лѣваго фланга 17 Туркестанскій полкъ.* Наши аррьергарды держатся, а Бакинскій полкъ взялъ еще четыре орудія. Ожидая отъ Васъ на завтра рѣшительныхъ дѣйствій въ намѣченныхъ Вами направленіяхъ, ко-

торыя вполне одобряю, такъ какъ *главная задача Вашего отряда прочно занять Эшакъ-Майданскій перевалъ*, единственный путь отхода турокъ, и захватить то, что не успеетъ уйти изъ окруженной нами территоріи. Чаще доложите».

5) Генералу Юденичу 19 декабря, № 996: «Нынѣ занимаемыя нами аррьергардныя позиціи Вашимъ корпусомъ и 39 дивизіей *должны быть прочно удержаны въ Вашихъ рукахъ* весьма продолжительное время, такъ какъ я имѣю *намѣреніе разбить неприятеля ювъ Сарыкамышемъ и снова перейти въ наступленіе на Вашемъ фронтѣ*».

6) Генералу Юденичу 19-го декабря, № 1013: «Предположенная на сегодня общая атака турокъ *видозвѣтна въ виду того, что вчера къ вечеру не удалось захватить Бардусскій перевалъ*, безъ чего ударъ на сильный фронтъ турокъ и на ихъ лѣвый флангъ не дастъ тѣхъ результатовъ, на которые я *разсчитываю*. При этомъ вчера изъ Карса въ районъ Али-Софи-Бозать *прибылъ отрядъ Генерала Воронова: три батальона Гунібцевъ съ 8 орудіями, который свободно прошелъ черезъ Ново-Селимъ, Ель-Кечмезъ*. Такимъ образомъ, лѣвый флангъ турокъ *повидимому отодвинулся отъ Ель-Кечмеза на западъ. Сегодня поэтому мною рѣшено, подкрѣпивши свой лѣвый флангъ свѣжимъ Дербентскимъ батальономъ, сбить турокъ съ Бардускаго перевала, пользуясь содѣйствіемъ трехъ батальоновъ Туркестанцевъ Генерала Чапыгина*, двинувшихся вчера вечеромъ отъ Бардуса на Кизиль-Киллеу въ тылъ Бардусскому перевалу. Эти Туркестанскіе батальоны пока не показались, но атака Бардусскаго перевала, обстрѣливаемаго мортирами, идетъ удачно, турки отходятъ внизъ, вдоль Турнагельскаго хребта *и сейчасъ начнется атака Кабардинцами и пластунами этого хребта съ юго-востока*. Отрядъ Генерала Баратова прибываетъ въ районъ Али-Софи-Бозать сегодня вечеромъ. Сегодня къ полудню Генералъ Вороновъ со своими Гунібцами и Запорожцами *будетъ въ Ель-Кечмезъ, а завтра туда-же я двину весь отрядъ Генерала Баратова, для дѣйствія въ лѣвый флангъ турокъ*. Вчера вечеромъ взято шесть орудій, весь 50-й турецкій полкъ съ командиромъ, 15-ю офицерами и 550 нижн. чин. *При успѣхѣ сегодня, я имѣю намѣреніе, подкрѣпивъ Васъ, перейти на Вашемъ фронтѣ въ наступленіе и разбить одиннадцатый турецкій корпусъ*».

7) Генералу Юденичу 20-го декабря, № 1020: «Всѣ силы, которыя я подъ Сарыкамышемъ имѣю, сегодня въ бой введены съ утра и бой еще не кончился. Результаты вчерашняго и сегодняшняго дня большіе: *перевалъ Бардусскій взятъ, турки отброшены далеко отъ Сарыкамыша на свверъ*, взяты орудія, пулемены, тысячи плѣнныхъ, открытъ путь на Карсъ. *Но чтобы не дать туркамъ уйти, надо бросить имъ что нибудь въ тылъ. Этой силы до сей минуты у меня не было*: Ваши три

батальона отъ Бардуса еще не подошли, кавница Баратова и пластуны только ночью придуть Али-Софи, Габаевъ и Вороновъ подходят съ семью батальонами къ Ново-Селиму и Эль-Кечмезу. *Вотъ этии силами я и могу взять завтра оба фланга турокъ, съ надеждой нанести имъ большое поражение.* Однако, надо имѣть въ виду, что пластунамъ и пѣхотѣ завтра идти отъ Али-Софи и Новоселима на Дивикъ далеко, хотя я приказалъ сдѣлать чрезмѣрное усиліе. Здѣсь ни одной минуты не потеряно и бой не умолкаетъ. Приказалъ даже ночью продолжать атаку, какъ только подойдутъ Ваши Бардусскіе батальоны. Большаго сдѣлать сейчасъ нельзя. Турки видимо уходятъ, но все же сами еще атакуютъ въ лѣсу на высокихъ сѣверныхъ склонахъ и въ направленіи Кизилькилеса укрѣпили позицію. *Но въ случаѣ нужды — пришло два батальона Дербентцевъ, оставшихся у меня въ резервъ.*

Неужели эти документы все еще не достаточно убѣдительны, что вся операція ведена лично мною.

Изъ рапортовъ Генерала Пржевальскаго и Генерала Юденича выходитъ, что они были самостоятельны. — ну, а какъ же другія колонны: Генераловъ Баратова, Де-Виттъ, Воронова, Габаева, Полковника Колобакина; кому-же подчинялись и какъ дѣйствовали лица, заботящіеся о довольствіи отряда, о снабженіи войскъ боевыми припасами, о нашихъ большихъ, раненыхъ, а также плѣнныхъ туркахъ. Кто руководилъ движеніемъ и управленіемъ войсковыхъ обозовъ.

Позволяю утверждать, что успѣхъ могъ быть достигнутъ только при общей гармоніи и эту гармонію давало только единое мое управленіе, безъ котораго отрядъ не могъ оставаться ни часа, ни минуты.

Да, управленіе это въ дѣйствительности существовало и оно всецѣло было заключено въ единственныхъ моихъ рукахъ. Помню массы вышеприведенныхъ документовъ, я дерзаю приложить, въ доказательство моей единоличной власти, еще цѣлый рядъ моихъ предписаній и телеграммъ, которыми руководилъ второстепенными начальниками, малыми колоннами, учрежденіями и крѣпостью Карсомъ.

1) Копія съ полевой записки П. Д. начальника Штаба 1-го Кавказскаго Армейскаго корпуса отъ 14 декабря 1914 года, за № 3, Штабсъ-Капитану Пацазидису: *«Командиръ корпуса приказалъ Вамъ принять подъ свою команду отсталыхъ Кабардинцевъ на Сарыкамышской дорогѣ и пробиться съ ними на Сарыкамышъ, для исполненія возложенной на Васъ секретной задачи».* Полковникъ Ласточкинъ.

2) Копія съ полевой записки П. Д. Начальника Штаба 1-го Кавказскаго армейскаго корпуса отъ 16 декабря, за № 8, Подполковнику Банникову: *«Предписываю Вамъ, взявъ одинъ взводъ казаковъ отъ 30-й отдѣльной сотни, немедленно выѣхать на шоссе Саганлугская-Сарыкамышъ и установить тамъ порядокъ въ движеніи вѣхъ обозовъ Сарыка-*

мышьскаго отряда до с. Сарыкамыша, гдѣ мѣсто обозамъ будетъ указано Штабъ-Канцеляршю Ахаткинымъ около Елизаветпольскихъ казармъ, на выѣздѣ.

По проходѣ всѣхъ обозовъ, Командиръ корпуса возлагаетъ на Васъ управление общимъ ихъ вагенбургомъ, гдѣ они должны быть разставлены по своимъ подраздѣленіямъ въ полномъ порядкѣ. Вамъ же подчиняется и прикрытіе обозовъ, которое долженъ назначить Начальникъ войскъ, дѣйствующихъ у Сарыкамыша, Генералъ-Маіоръ, Прудевальскій. Обозы должны оставаться у Сарыкамыша до особаго распоряженія». Подписаль: Полковникъ Ласточкинъ.

3) Копія съ телеграммы Полковника Ласточкина отъ 16 декабря 1914 года, за № 962, Полковнику Рубеау: *«Въ дополненіе предыдущихъ указаній, Командиръ корпуса приказалъ немедленно устроить въ Каракуртѣ складъ муки и сухарей и расширить хлѣбопеченіе. Можетъ потребоваться двадцать пять тысячъ ежедневныхъ порцій хлѣба. Свои соображенія сообщите»*. Подписаль Полковникъ Ласточкинъ.

4) Копія съ радиограммы Генерала Берхмана, отъ 16 декабря 1914 г., за № 972, Команданту крѣпости Карсъ: *«Прошу мою телеграмму стипино передать Генералу Габаеву по мѣсту изложенія ея»*.

Телеграмма Генералу Габаеву: *«По имѣющимъ свѣдѣніямъ, значительныя силы турокъ, дѣйствовавшихъ противъ Генерала Истомина и Васъ отъ Косора, прямыми дорогами пошли на окруженіе Сарыкамыша и захвата пути Сарыкамышъ-Карсъ. Сарыкамышскій отрядъ, имѣя на фронтѣ сильнаго противника и въ тылу у себя по показанію плѣнныхъ около двухъ корпусовъ, будетъ пробиваться къ Карсу. Не сомнѣваюсь, что Вы вѣрнымъ Вамъ отрядомъ, захвативъ Карсъ и рѣшительнымъ движеніемъ туркамъ въ тылъ кратчайшими путями черезъ Арсенякъ на Ново-Селимъ сможете оказать содѣйствіе Сарыкамышскому отряду. Передайте некровымъ Ваше рѣшеніе»*.

5) Копія съ телефонограммы Начальника воинскихъ обозовъ Полковника Хетогурова отъ 18 декабря 1914 г., за № 1, Начальнику Сарыкамышскаго отряда: *«Всѣ воинскія обозы Сарыкамышскаго отряда сосредоточились сегодня Башкеѣ-Каракуртѣ. Прошу дальнѣйшихъ указаній для движенія обозовъ»*. Подписаль Начальникъ воинскихъ обозовъ Полковникъ Хетогуровъ.

6) Копія съ телеграммы Генерала Берхмана, отъ 18 декабря 1914 года, за № 980, Полковнику Хетогурову: *«Подчиняю Вамъ всѣ обозы 39 дивизіи, первой и второй пластунскихъ бригадъ и первой Кавказской казачьей дивизіи, а также другихъ мелкихъ частей, которыя сосредоточились у Башкея и Каракурта. Организуйте немедленно отходъ этихъ обозовъ отъ Башкея по лучшей дорогѣ на Зарабхана, далѣе на*

Кагызманъ и на соединеніе со своими частями, гдѣ обстановка это допустить.

Въ прикрытіе колонны обозовъ назначаю роту Бакинцевъ, роту Дербентцевъ, полусотню пластуновъ и двѣ сотни Горско-Моздокцевъ. Собрите все эти части въ Башкеѣ. Навстрѣчу Вамъ, для обезпеченія марша, прошу выслать изъ Кагызмана батальонъ. Начните выступленіе обозовъ изъ Башкеѣ и Каракурта немедленно. Довольствіе организуйте мѣстными средствами».

7) Конія съ телеграммы Генерала Берхмана, отъ 19 декабря 1914 года, за № 998. Полковнику Львову: «Колонна Генерала Баратова продвигается къ Сарыкамышу, оставивъ на Башкейскомъ плато особый аррьергардъ, въ составъ котораго войдетъ и вѣрнопная Вамъ дружина. Генераль Баратовъ назначить по своему выбору Начальника аррьергарда, коему Вамъ и будетъ необходимо подчиниться во всехъ отношеніяхъ. Телеграфируйте, вывезены ли изъ Каракурта больные и раненые и если вывезены, то куда. Если они еще не вывезены, то ихъ надо епѣшно эвакуировать въ Сарыкамышъ всеми возможными средствами, реквизируя средства перевозки».

8) Выписка изъ телеграммы Генерала Берхмана, отъ 19 декабря 1914 г., за № 999. Коменданту Карсской крѣпости: «Прошу предпринять Генералу Воронову, чтобы онъ завтра, 20 декабря, во время общей атаки турокъ, дѣйствовалъ въ полной связи съ моей правой колонной, которая будетъ находиться подъ командой Генерала Баратова и въ случаѣ надобности исполнять-бы его указанія. *Послѣдности объ атакѣ будутъ высланы Генералу Воронову съ развѣдомкѣ».*

9) Конія съ телеграммы Генерала Берхмана отъ 20 декабря 1914 года, за № 1023. Коменданту Карсской крѣпости: «*Не откажитесь, если возможно, распорядиться произвести воздушную развѣдку въ районѣ Ново-Селимъ, Ягъ-Басанъ, Кизиль-кылиса, Эшакъ-Майданъ, Белокъ-башкей. О послѣдующемъ меня увѣдомьте».*

10) Конія съ телеграммы Генерала Берхмана, отъ 19 декабря, за № 1025. Полковнику Львову: «*Странно распорядитесь, чтобы пластуныскія сотни изъ Мечети со своими орудіями были завтра къ утру передвинуты въ Али-Софи. Увѣдомьте объ этомъ Начальника аррьергарда».*

11) Конія съ телеграммы Генерала Берхмана отъ 21 декабря 1914 г., за № 1043. Начальнику отряда въ Али-Софи: «Вѣрнопному Вамъ отряду зорко слѣдить за неприятельской позиціей, которая атакуется съ обоихъ фланговъ и случаѣ нужды содѣйствуйте огнемъ противъ Ягъ-Басана. Наблюдайте неприятели съ выеотъ. Сообщите мнѣ Ваши наблюденія».

Позволяю себѣ спросить, могъ ли я, — какъ руководитель всей

операции и при томъ еще и командиръ корпуса надъ Генераломъ Пржевальскимъ, живя съ нимъ бокъ-о-бокъ въ одномъ пунктѣ, въ непосредственной близости, при условіяхъ тяжелой и ответственной за успѣхъ борьбы съ сильнымъ противникомъ и отдавая приказанія многимъ колоннамъ и лицамъ о генеральномъ сраженіи, повторю, могъ-ли и сложить руки и совершенно не влѣиваться въ дѣйствія Сарыкамышской группы и могъ ли самъ Генераль Пржевальскій въ эту минуту дѣйствовать самостоятельно.

Въ періодъ моего пребыванія въ Сарыкамышѣ, во время Сарыкамышскихъ боевъ, ежедневно, разъ или два Генераль Пржевальскій являлся ко мнѣ съ докладомъ о ходѣ дѣлъ его группы и выслушивалъ мои указанія.

Равно съ той же цѣлью былъ неоднократно требуемъ мною и Начальникъ его штаба Кап. Карауловъ.

На эти дни 19 и 20 декабря взаимно тѣснаго нашего соглашенія, я не могу представить многихъ письменныхъ документовъ, такъ какъ при постоянномъ личномъ свиданіи и устномъ разговорѣ, въ нихъ не являлось никакой надобности, а если и случалось что-либо дополнительно къ личному разговору указать, то это дѣлалось сѣбною, по телефону, который черезъ минуту выяснялъ мои желанія или взаимно пересказывалъ мнѣ о явленіяхъ и событіяхъ боя.

Да, прямыхъ предписаній и документовъ, за срокъ 19-го-20-го декабря, у меня мало, но за то, все вышеприведенные военныя документы и логическіе доводы, какъ мнѣ кажется, неоспоримо свидѣтельствуютъ, что слова рапорта Генерала Пржевальскаго о его самостоятельности, совершенно расходятся съ дѣйствительностью.

По прибытіи моемъ въ Сарыкамышъ, я ближе ознакомился съ положеніемъ этой группы и найди, что дѣла тамъ идутъ успѣшно и правильнымъ ходомъ, что войска туда на усиленіе мною направляемая своевременно туда прибываютъ и, что мы ежесекундно продвигаемся все ближе и ближе къ желанной цѣли — занятія Бардусскаго перевала.

Мнѣ оставалось лишь сохранить полное спокойствіе и своимъ непрестаннымъ внимательствомъ не нервить и не дергать Начальника группы, а потому мнѣ было естественно сказать: продолжайте, я Вамъ мѣшать не буду. Но, повторю, что главное управленіе оставалось за мною и я его проявлялъ въ полной мѣрѣ, когда готовился и рѣшался генеральный бой. Въ этомъ дѣлѣ Генераль Пржевальскій былъ лишь малою составною единицею большого цѣлаго.

Но, если-бы Вашему Сіятельству не угодно было согласиться со всемъ выше доложенными документами и моими логическими доводами о моемъ единовластномъ и личномъ командованіи всеми войсками Сарыкамышскаго отряда и въ частности группой Генерала Пржеваль-

скаго, то я позволю себѣ еще сослаться и на многихъ оффиціальныхъ свидѣтелей моего непрерывнаго управленія, увѣнчавшагося громкой и славной побѣдой. Прежде всего, я укажу на всѣхъ старшихъ и даже младшихъ членовъ штаба вѣрнѣйшихъ мѣхъ войскъ, а затѣмъ сошлюсь и на постороннихъ лицъ, къ нему непричастныхъ, каковы, напр., Генералы: Воронановъ, Слюсаренко, Солдогоубъ, полковникъ Рубенану и многіе изъ строевыхъ начальниковъ, наиболее часто въ эти дни посѣщавшихъ мой штабъ, и между ними особенно вспоминаю Полковника Никерадзе.

Ласкаю себя большой надеждой, что изъ представленнаго Ваше Сіятельство изволите усмотрѣть, что войсками Сарыкамышской группы лично и непосредственно руководилъ я, а Генераль Пржевальскій, лишь въ зависмости отъ моего управленія, только доблестно ею командовалъ.

Изъ того-же моего настоящаго доклада слѣдуетъ, что я не могъ соглашаться съ Генераломъ Юденичемъ о командованіи Сарыкамышской группой, какъ объ этомъ онъ пишетъ въ своемъ рапортѣ № 2.

Дѣйствительно, 17-го декабря вечеромъ, у меня съ Генераломъ Юденичемъ былъ разговоръ о Сарыкамышѣ, но онъ вовсе не носилъ характера взаимосоглашенія, а имѣлъ видъ только обычнаго предложенія Начальника подчиненному.

Возникъ этотъ разговоръ по тому поводу, что къ этому времени въ Сарыкамышѣ накопилось очень большое количество войскъ и такъ какъ этотъ пунктъ являлся важнымъ центромъ, изъ котораго только и могъ развиваться успѣхъ всей нашей операціи. — то я и возымѣлъ мысль доверить эту большую и важную группу Генералу Юденичу, какъ старшему передъ другими, и какъ мѣхъ казалось, наиболее надежному начальнику. На это мое предложеніе Генераль Юденичъ мѣхъ доложилъ, что «онъ желалъ бы остаться при своемъ корпусѣ, который въ данную минуту находится въ очень отвѣтственномъ положеніи и, что, по его мнѣнію, на Генерала Пржевальскаго можно вѣнчѣ положиться».

Съ этимъ доводомъ я согласился и отвѣтилъ генералу Юденичу, что *я оставляю его при его корпусѣ*, а о себѣ сказать, что мѣстомъ своего пребыванія избираю Сарыкамышъ.

Этотъ мой разговоръ и даже, можно сказать, прямое мое предложеніе генералу Юденичу отношь нельзя разсматривать, какъ какое-либо раздѣленіе съ нимъ власти повеламъ надъ всѣми войсками. Такъ какъ и послѣ этого моего разговора, генераль Юденичъ по прежнему остался начальникомъ лишь одной арріергардной колонны и только уже 19-го декабря, т. е. черезъ два дня, я ему № 996 *предписалъ поочинать себя и орудуя колонну* — средней арріергардъ генерала Де-Виттъ:

«Отходъ нашихъ арріергардовъ должешъ быть объединенъ и 39-ая дивизія должва дѣйствовать въ тѣсномъ единеніи съ Туркестанцами и

зависеть от них выходящих особо важный и сложный маневр, почему организацию отхода на этот случай поручаю Вамъ».

Мое рѣшеніе, о самомъ себѣ, переѣхать въ Сарыкамышъ вытекало вовсе не изъ упомянутого разговора, а было мною предѣшено еще много раньше, а именно телеграммой еще 16-го декабря за № 935 и извѣщаніемъ генерала Баратова: «Завтра я буду въ Меккингертъ, а затѣмъ, вѣроятно, переѣду въ Сарыкамышъ, куда и посылайте донесенія».

Пунктъ же этотъ я избралъ своимъ пребываніемъ потому, что онъ былъ важнѣйшимъ и наиболѣе опаснымъ въ районѣ всей операціи и въ то же время представлялъ мнѣ удобства управленія: изъ центра по радиограммъ, всѣми группами и колоннами войскъ, съ которыми былъ связанъ телефонами и телеграфомъ; въ немъ же были сосредоточены и всѣ жизненные учрежденія Сарыкамышскаго отряда.

Я прибылъ въ Сарыкамышъ 18-го декабря, со всѣмъ штабомъ, при чемъ прослѣдовалъ туда по дорогѣ, обстрѣливаемой противникомъ.

Во весь остальной періодъ Сарыкамышскаго боя, я оставался въ Сарыкамышѣ, находясь все это время подъ непрерывнымъ, днемъ и ночью, орудіейнымъ огнемъ турокъ съ близкаго разстоянія, при чемъ нѣсколько гранатъ непосредственно ударили въ мой домъ.

Это продолжительное и постоянное мое нахожденіе подъ огнемъ противника, мнѣ кажется, также должно рѣшительно свидѣтельствовать, что я былъ тамъ большое дѣятельное лицо, ибо въ противномъ случаѣ, — при моей къ дѣлу безучастности, какъ доносить объ этомъ генералъ Пржевальскій, я, вѣроятно, предпочелъ бы, избѣгая серьезной опасности, понекатъ себѣ мѣстопробыванія поспокойнѣе, гдѣ-либо между Сарыкамышемъ и моими арріергардами.

Не могу оставить безъ возраженія и донесенія штаба обороны Сарыкамышской группны, иначе говоря, временнаго штаба генерал-майора (нынѣ генералъ-лейтенанта) Пржевальскаго. Этотъ штабъ, какъ мнѣ кажется, пытался бросить въ меня нѣсколько уколовъ, но всѣ они, повидимому, не имѣютъ большой важности, и я попытаюсь ихъ опровергнуть: первое — Штабъ доносить, что въ моемъ рапортѣ отъ 12-го января сего года за № 2 неправильно обозначено 21-го декабря днемъ взятія Бардусскаго перевала, а что въ дѣйствительности онъ былъ взятъ 20-го декабря. Возможна, конечно, для меня описка, а не то и прямо-таки ошибка въ обозначеніи числа мѣсяца, которая, повидимому, въ данномъ случаѣ не должна имѣть особаго значенія; но, тѣмъ не менѣе я и ее хочу защитити. Дѣло заключалось въ томъ, что Бардусскій перевалъ образованъ двумя вершинами и, чтобы владѣть имъ, надо владѣть обѣими вершинами: 20-го же декабря была занята только одна изъ вершинъ, причѣмъ, всѣ наши попытки взять въ этотъ день и вторую вершину намъ не удалось, такъ какъ турки, увеличивъ ее большимъ числомъ пулеметовъ, упорно ее защищали.

Радость занятія первой вершины 20-го декабря какъ-то невольно отдалась во всѣхъ устахъ Сарыкамъшскаго отряда возгласомъ: «Взять Бардускій переваль». Вѣдь, къ нему такъ долго, такъ упорно войска стремились, начавъ на него свои атаки еще съ 12-го декабря — съ первого момента появленія на немъ турокъ.

Тотъ же штабъ обороны находить въ моемъ рапортѣ яко-бы и другую неточность, онъ говоритъ, что, не я, а генералъ Пржевальскій назначилъ полковника Масляникова начальникомъ атакующей переваль группы войскъ.

Фактически это, конечно, было такъ, но лишь въ смыслѣ непосредственной передачи приказанія полковнику Масляникову, а не проявленія самостоятельно на то его личной непоборимой воли.

Согласіе на это назначеніе непременно должно было быть дано мною по слѣдующей причинѣ: во-первыхъ, — одинъ большой начальникъ полковникъ Букретовъ не могъ быть замѣненъ другимъ большимъ — полковникомъ Масляниковымъ, безъ моего на то одобренія, а во-вторыхъ — идея этой замѣны возникла не у генерала Пржевальскаго, а лично у меня, въ силу того обстоятельства, что генералъ Баратовъ нѣсколькими телеграммами просилъ меня о возвращеніи полковника Букретова къ его обязанностямъ — Начальника Штаба второй пластунской бригады и такое же ходатайство командиръ этой бригады генералъ-майоръ Гулыга обратилъ къ моему Начальнику Штаба.

Въ уваженіе этихъ ходатайствъ, полковникъ Букретовъ былъ освобожденъ отъ командованія Бардусской группой, изъ чего очевидно, что я долженъ былъ получить также касательство и интересъ къ назначенію на этотъ отвѣтственный постъ вмѣсто полковника Букретова другого Начальника.

По освобожденіи съ поста, полковникъ Букретовъ лично явился ко мнѣ и доложилъ о положеніи дѣлъ на перевалѣ.

Противъ третьяго упрека, что «дескать, не я командовалъ группой, ибо войска меня не видали», я могу доложить, что у меня во время этой операціи было свыше 50 тысячъ войскъ и онѣ были раскинуты на громадное пространство и видѣть меня часто онѣ не могли, та и никакими законами и инструкціями не указано, чтобъ Командующій арміей постоянно войскамъ показывался. Время-ли было мнѣ въ періодъ 18-22 декабря, когда рѣшалась судьба операціи, посѣщать траншеи и могли я увидѣть это сдѣлать даже въ одной группѣ. Къ слову сказать, я не находилъ это пужнымъ, такъ какъ очень недавно со всѣми видѣлся, а именно: пластунокъ видѣлъ въ бою у Юзверана 8 декабря и въ Меджингертѣ 15 декабря, Кабардинцевъ видѣлъ 9 декабря, а затѣмъ опять весь гарнизонъ поздравилъ съ побѣдой 25 декабря.

Продолжая дальше развивать доводы за свое единоличное и не-

прерывное управление всеми войсками отряда, и долженъ остановиться на указаніи Вашего Сіятельства, что́ будто бы «войска Сарыкамышскаго отряда выполняли прежнюю задачу, указанную имъ генераломъ Пржевальскимъ, а не мою», и доложить нижеслѣдующее: Не имѣя намеренія чѣмъ-либо умаишь заслуги генерала Пржевальскаго, я, однако, все же долженъ свидѣтельствовать, что́ задача взятія Бардусскаго перевала, — какъ уже въ настоящемъ письмѣ объ этомъ выше было доложено, вытекла не изъ указанія на нее генерала Пржевальскаго или какого-либо другого лица, а представала передъ отрядомъ совершенно естественнымъ путемъ вслѣдствіе топографическихъ, тактическихъ и стратегическихъ условій самаго перевала.

Занятіе этого перевала, съ перваго же момента появленія на немъ турокъ, уверно и послѣдовательно достигали, смѣняющіе другъ друга начальники. И только по ихъ слѣдамъ точно такъ же *шелъ* и генералъ Пржевальскій: задачу эту онъ получилъ еще въ Меджидгерть, въ пору движенія его къ Сарыкамышу.

Во время моего пребыванія въ Сарыкамышѣ и даже, раѣе того, съ момента моего вступленія въ командованіе отрядомъ, у меня не было никакихъ причинъ и никакой надобности мѣнять эту естественную задачу, — взятія Бардусскаго перевала, — представшую предъ отрядомъ еще съ перваго момента появленія на немъ турокъ: но для удачнаго разрѣшенія таковой потребовалась сложная операція всего Сарыкамышскаго отряда и по мѣрѣ того, какъ росло сопротивленіе на этомъ перевалѣ, въ Сарыкамышѣ требовались все новыя и новыя силы, *а силы эти выбирались изъ арріергардовъ и подводились къ нему исключительно моею волею, моею властью и моими приказаніями.*

Усиѣхъ увѣичаль давнее стремленіе къ Бардусскому перевалу только тогда, когда этихъ силъ накопилось достаточно и, когда между ними прибыла въ Сарыкамышъ наша тяжелая артиллерія, которая своею мощностью подавила огонь противника.

Постепенное наконченіе войскъ въ Сарыкамышѣ, съ соблюденіемъ, какъ я уже доложилъ, строгаго равновѣсія боевыхъ силъ въ арріергардахъ произведено моими личными распоряженіями, и въ нихъ генералъ Пржевальскій никакого участія не принималъ *онъ командовалъ только тѣми силами, которыя я ему подчинялъ.* Только мое усмотрѣніе и мои расчеты, — только они точно опредѣлили необходимое равновѣсіе нашихъ силъ на фронтѣ и въ арріергардахъ, и дали тотъ рѣшительный результатъ, — полный разгромъ врага, — славу котораго, — своими неправильными докладами, — некоторые изъ подвластныхъ мнѣ тогда генераловъ — хотѣтъ теперь у меня отнять.

Ваше Сіятельство, если бы все мною приведенныя доказательства, опирающіяся на массу подлинныхъ документовъ и на многихъ свидѣ-

телей, все еще были бы недостаточно убѣдительными, чтобы Вы могли окончательно признать меня единственнымъ полноправнымъ и отвѣтственнымъ начальникомъ Сарыкамьшскаго отряда, въ которомъ все жило и двигалось лишь по моей волѣ, моими приказаніями; то я позволю себѣ просить Ваше Сіятельство остановить свое вниманіе на данномъ моментѣ — на взятіи Бардусскаго перевала.

Можно-ли этотъ моментъ считать уже окончательнымъ разгромомъ врага или необходимо признать, что и по занятіи нами перевала турки все еще были жизнѣдѣтельны и могли въ некоторое время задержаться на Турнагельскомъ хребтѣ, а можетъ быть, даже нанести намъ серьезный ударъ.

Во всякомъ случаѣ, турки безъ особой помѣхи могли спокойно уйти въ свои предѣлы, отступая на Олыты; но этого, однако, они сдѣлать не успѣли, и именно потому что, вслѣдъ за занятіемъ нами Бардусскаго перевала, лично я двинулъ впередъ вѣрными мнѣ войска, — и онѣ, руководимыя уже неоспоримо, инѣмъ другимъ, а исключительно моими распоряженіями, — разгромили ихъ на голову.

Неоспоримость эта слѣдуетъ уже прямо изъ допесенія № 75, генерала Пржевальскаго, въ которомъ онъ ясно и категорично говоритъ, что *съ момента занятія Бардусскаго перевала, 20-го декабря, руководство надъ войсками Сарыкамьшской группы непосредственно перешло въ мои руки*: это же доказываютъ все какъ положенныя, такъ и нижеслѣдующія приказанія:

1) Предписаніе генералу Пржевальскому отъ 20-го декабря № 1022: «У генерала Баратова завтра къ полудню будутъ собраны около Ель-Кечмеза 11½ батал. и 14 конныхъ сотенъ, съ соответствующей артиллеріей, съ которыми онъ тогда же поведетъ атаку въ направленіи на Чатахъ и Дивикъ и далѣе на западъ, отбрасывая турокъ отъ желѣзной дороги и вмѣстѣ съ тѣмъ конницей отрѣзая имъ путь отступления на сѣверо-западъ. *Вѣрнѣйшей вамъ группѣ войскъ*, собранныхъ подъ Сарыкамьшемъ, *предписываю*: 1) Закрѣпить за собою Бардусскій перевалъ возведеніемъ тамъ опорнаго пункта, назначеніемъ на перевалъ постоянного гарнизона соответственной силы (около 2 батал., 2-4 оруд. и 2 сот.) и возложеніемъ на этотъ гарнизонъ задачи удерживать во что бы то ни стало перевалъ въ рукахъ и развѣдывать о непріятелѣ на путяхъ къ Кизиль-Килгса и Языль-ташу, не допуская прохода турокъ въ тылъ нашимъ арріергардамъ, стоящимъ на линіи Караурганъ-Меднигертъ, 2) Войскамъ, дѣйствующимъ на склонахъ горъ, къ сѣверу отъ Верхняго Сарыкамьша, зорко слѣдить за противникомъ, сосредоточеннымъ въ перевѣскахъ и при малѣйшей попыткѣ его отходить энергично атаковать. Для атаки, вообще полагать бы самымъ подходящимъ время, когда отъ Кизиль-Килгса къ этимъ войскамъ при-

близятся три баталіона Туркестанцевъ, что позволить произвести охватывающую атаку. Если баталіоны не подойдутъ, то *около полудня, одновременно съ атакой генерала Баратова надо атаковать рѣшительно и намъ*. 3) Колонна полковника Барковского свои дѣйствія должна согласоватьъ съ войсками, указанными въ § 2, поддерживая связь съ колонной генерала Баратова, особенно при атакахъ, наступаая въ направлеиіи Ягъ-Басапъ».

2) Генералу Пржевальскому отъ 22-го декабря № 1053: *«Распорядитесь немедленно двинуть сильную колонну полковника Барковского подъ его командой на Ягъ-Басапъ, В. Садуть, Веринапъ. Полковникъ Барковский долженъ войти въ тѣсное соприкосновеніе съ генераломъ Баратовымъ и войти въ его подчиненіе. Цѣль высылки колонны: оказать содѣйствіе генералу Баратову и разбить остатки турецкой арміи, стремясь отрѣзать имъ путь отступленія отъ перевала Эшакъ-Майдана. Позицію, оставленную Барковскимъ, занять по Вашему усмотрѣнію»*.

3) Генералу Пржевальскому генералъ Ласточкинъ отъ 23 декабря № 12: *«Начальникъ отряда приказалъ Вамъ стаянуть съ позицій въ Сарыкамышъ всѣ баталіоны ввѣренной Вамъ бригады и держать ихъ на готовѣ къ отправленію»*.

Изъ представленнаго, безъ сомнѣнія, видно, что весь заключительный актъ Сарыкамышской операціи, т. е. то генеральное сраженіе, которое завершилось полнымъ разгромомъ турокъ, массою трофеевъ и плѣненіемъ всего девятаго турецкаго корпуса, со всѣмъ ихъ команднымъ составомъ — генералами и штабами, — было разыграно и руководимо мною.

Эта большая и громкая побѣда надъ турками была полнымъ радостнъ отвѣтомъ на предписаніе ко мнѣ Вашего Сіятельства отъ 20-го декабря за № 685: *«Радуюсь одержаннымъ успѣхамъ, но Вы должны одержать полную побѣду, отъ которой зависить цѣлость Кавказа»*.

Да, турки были совершенно разбиты и съ этой минуты цѣлости Кавказа не грозила больше опасность.

Эту радостную вѣсть о громкой побѣдѣ, явившейся какъ бы во исполненіе желанія Вашего Сіятельства, я, отъ лица доблестныхъ командующихъ мною войскъ доложилъ слѣдующей телеграммой, 22-го декабря за № 1052:

«Безмѣрно счастливъ отъ лица всѣхъ чиновъ вѣрннхъ мнѣ войскъ горячо поздравитъ Ваше Сіятельство съ большой и слабой побѣдой. Доношу, сегодня 22-го декабря въ 5 часовъ вечера рѣшительно опредѣлилось полное пораженіе IX и X турецкихъ корпусовъ подъ Сарыкамышемъ. Командиръ IX-го корпуса Иеханъ-паша, три Начальника дивизій, 17, 28 и 29 и два замѣстителя начальника дивизій со

своими штабами, болѣе сотни офицеровъ и тысячи нижнихъ чиновъ взяты въ плѣнъ. Намъ досталось много орудій, пулеметовъ, боевыхъ припасовъ, вьючныхъ транспортовъ и прочаго имущества, но все это еще не приведено въ извѣстность. Правый флангъ турокъ, IX корпусъ, уничтоженъ безслѣдно, часть X-го еще пытается спастись черезъ Эшакъ-Майданъ, но на перерѣзъ ихъ выдвинута конница, а преслѣдуютъ ихъ части 3-й стрѣлковой бригады и Гуннбцы. Свидѣтельствую передъ Вашимъ Сіятельствомъ, маститымъ нашимъ Кавказскимъ Главнокомандующимъ, что войска Сарыкамышскаго отряда совершили геройскіе подвиги и оказались достойными своихъ славныхъ предковъ. *Ни выси горъ, ни степи, ни морозы не остановили ихъ стремленія къ побѣдѣ, чтобы достойно оправдать высокое довѣріе и исполнить желаніе Вашего Сіятельства.*

Изъ настоящаго моего доклада и изъ прилагаемаго къ нему кроки (схемы) Сарыкамышской операціи Ваше Сіятельство изволите усмотрѣть, что вся операція охватывала большой районъ въ продольномъ и узкомъ его поперечникѣ и что въ немъ дѣйствовали шесть-семь большихъ группъ и нѣсколько малыхъ колоннъ, кромѣ обозовъ, управленій и разнаго рода учреждений.

Всѣ эти группы, колонны и учрежденія должны были быть управляемы одною мыслью и одною волею, которая сочетала бы ихъ дѣйствія въ силѣ и во времени и привела бы къ единой высокой цѣли — побѣдѣ надъ врагомъ.

Генералъ Юденичъ и генералъ Пржевальскій въ своихъ рапортахъ доносятъ Вашему Сіятельству, что они были самостоятельными начальниками. Возможно-ли допустить такое положеніе, чтобы шесть колоннъ, устремленныхъ въ одно время къ одному пункту и къ единой цѣли, не имѣли надъ собой единаго управленія.

Если признать группы генераловъ Юденича и Пржевальскаго самостоятельными, то надо будетъ допустить, что и остальные группы должны были бы быть также самостоятельными, ибо мое управленіе павшими генералами отрицается, а себя они съ этими колоннами не связали.

Хочется спросить у нихъ, какую же роль играли я въ отрядѣ — ихъ старшій начальникъ.

Ваше Сіятельство милостиво признали меня достойнымъ награжденія высокимъ орденомъ Св. Александра Невскаго съ мечами за то, что я удачно направилъ въ обходъ колонну генерала Баратова.

Но если я имѣлъ право двигать колонну генерала Баратова, могъ присоединить къ ней колонну генерала Габаева и предписать генералу Пржевальскому одновременность дѣйствія его группы съ этою колонною въ послѣдній моментъ атаки нами турокъ, — что видно изъ доло-

женных уже мною документов, — то не позволено ли мнѣ будетъ еще разъ утверждать, что именно я-то и былъ тѣмъ единственнымъ начальникомъ, у котораго въ рукахъ находились всѣ судьбы отряда и который своимъ неукоснымъ и твердымъ управленіемъ вывелъ доблестный войска Сарыкамышскаго отряда не только изъ тяжелаго положенія, но и доставилъ имъ большую побѣду и громкую славу.

Глубоко вѣря, что большой доказательный рядъ представленных мною документовъ непременно устанавливаетъ мое единовластное и непрерывное, увеличившееся побѣдой, командованіе Сарыкамышскимъ отрядомъ, — я все же позволяю себѣ еще, какъ послѣднее доказательство, сослаться на частное письмо ко мнѣ генерала Пржевальскаго отъ 16-го января сего года, въ которомъ онъ, вспоминая Сарыкамышъ, такъ заканчиваетъ: «Мнѣ поэтому особенно тяжело было разстаться съ Вами въ Сарыкамышѣ: утѣшеніемъ служить надежда, что *правда и истина овладеютъ воссозрѣвающимъ*».

А также укажу на мою бесѣду о судьбѣ моей съ генераломъ Юденичемъ, когда онъ сказалъ мнѣ, что лично спрашивалъ: «За что генерала Берхмана такъ сильно обидѣли и отвѣта ему на этотъ вопросъ, какъ онъ говорить, никакого не дали»*).

Заключительно, особо прилагаемая къ сему моему письму, копія всѣхъ моихъ ежедневныхъ донесеній Вашему Сіятельству**), даютъ мнѣ вѣру, что они послужатъ наиболѣе твердымъ доказательствомъ того.

*) Редакція считаетъ долгомъ привести также выдержку изъ письма Генерала Баратова отъ 8 января 1915 года Генералу Берхману: «Никакими словами не могу выразить тебѣ, какъ я былъ изумленъ, получивъ официально извѣщеніе о вступленіи въ командованіе войсками Сарыкамышскаго отряда ген. Юденича. Но огорченіе за тебя стало еще болѣе сильнымъ, когда я узналъ, что тебя въ одной и той же телеграммѣ благодарили за побѣду и наносили горькую обиду... Здѣсь уже никакими словами не выразить тебѣ своего сердечнаго сочувствія. Да послужитъ тебѣ великимъ бодрящимъ чувствомъ сознаніе, что чиста твоя совесть передъ Богомъ, Царемъ и войсками, тебѣ вѣрными, которыя будучи направлены тобой, достигли желанной цѣли — побѣды надъ врагомъ и освобожденія отъ него не только Сарыкамышскаго района но и далеко за его предѣлами».

Также необходимо обратить вниманіе на слова Р. Термена въ его статьѣ — Памяти Генерала Г. Э. Берхмана, помещенной въ газетѣ «Голосъ» (1929 г. № 100): «Память покойнаго генерала Берхмана, коренного кавказца, героически проявившаго себя въ началѣ войны на кавказскомъ фронтѣ (подготовка, первые шаги и Сарыкамышъ) не должна быть забыта нами и на родномъ Кавказѣ долженъ псконяться его прахъ подъ памятникомъ, говорящемъ о заслугахъ его передъ родной»...

(Изъ архива Е. В. Берхманъ).

**) Копія донесеній не прилагаются. Рел...

что только я, а никто другой, быть полноправнымъ и единовластнымъ Начальникомъ Сарыкамьшскаго отряда. Въдь только одинъ я, какъ Начальникъ отряда, имѣлъ честь и право сносятся съ Вашимъ Сіятельствомъ.

Въ то же время горжусь сознаниемъ, что все эти мои донесенія свидѣлствуютъ, что ни войска, ни ихъ начальникъ ни одной минуты не терпѣли страха передъ врагомъ, ни одной минуты не теряли увѣренности, что врагъ будетъ сраженъ.

Ваше Сіятельство, дозвольте мнѣ въ послѣднемъ словѣ своей самозащиты спросить генераловъ Юденича и Пржевальскаго, кто явился бы предъ военнымъ судомъ виновнымъ и отвѣтственнымъ, если бы, Боже избави, Сарыкамьшскій отрядъ былъ разбитъ и потерялъ бы трофеи и плѣнныхъ...

Едва ли тогда нашлись бы охотники дѣлать со мною это великое горе, — а сейчасъ, въ общей побѣдной радости имѣть только одного меня, виновника ея.

Заканчивая свой докладъ, остаюсь при свѣтлой надеждѣ, что Ваше Сіятельство повѣрите чистой истинѣ этого доклада и изволите умотрѣть изъ него, какъ неправдиво положено охуленіе на мою боевую дѣятельность и прикажете, ради торжества правды поставить мое имя на подобающее ему мѣсто современной боевой лѣтописи и повелите считать меня, какъ оно дѣйствительно и было, Начальникомъ Сарыкамьшскаго отряда за то время, когда этотъ отрядъ, состоящій изъ Кавказскихъ и Туркестанскихъ войскъ подъ моей непосредственной командой, совершилъ славный подвигъ и въ кровавомъ тяжкомъ бою разбилъ подъ Сарыкамьшемъ сильного и дерзкаго врага.

Я свидѣлствую передъ Вашимъ Сіятельствомъ одну только чистую правду и дѣлаю это лишь въ огорченіе своего имени, которое послѣ славной Сарыкамьшской побѣды въ народѣ подверглось поруганію, а въ лѣтописяхъ войны безславно и безслѣдно исчезло.

Прошу разрѣшенія выразить Вашему Сіятельству чувства моей безиретельной, глубокой и совершенной преданности.

Копія съ рапорта отъ 17 ноября 1915 г. за № 71, генерала-отъ-инфантерій Бергмана Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу Главнокомандующему Кавказской арміей.

ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ. — представляя докладъ, съ приложеніемъ всехъ необходимыхъ документовъ *), объ участіи моемъ въ боевыхъ дѣйствіяхъ на Кавказскомъ фронтѣ, въ періодъ съ 18-го октября по 24-е декабря 1914 г., во время бытности моей Командиромъ 1-го Кавказскаго армейскаго корпуса и Началь-

*) Докладъ и документы не прилагаются. Ред.

ником Сарыкамьинскаго отряда, — всепреданнѣйше прошу милостиваго распоряженія ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА означенный мой доклад повелѣть рассмотреть и постановить Свое рѣшеніе.

Эту просьбу мою — дерзаю принести ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ по той причинѣ, что, — на основаніи приказа генерала-отъ-пифантеріи Мышлаевскаго, отданнаго въ Меджисгертѣ 11 декабря 1914 года, отъ имени Главнокомандующаго Кавказской Арміей, и его же телеграммы ко мнѣ того же декабря 15-го за № 51, а равно, руководствуясь §§ 7 и 8 Устав. Полев. службы, — по отбытіи генерала Мышлаевскаго изъ отряда утромъ 15-го декабря 1914 г. я вступилъ въ полномъ и отвѣтственное командованіе Сарыкамьинскимъ отрядомъ, коимъ во все послѣдующее время Сарыкамьинской операціи — по 24 декабря и продолжалъ единолично командовать.

Съ помощью Всевышняго, я не только съ честью вывелъ въфреннныя мѣ войска изъ крайне тяжелаго боеваго положенія, въ которомъ онѣ находились, вѣдствія окруженія ихъ непріятелемъ, — но и увѣнчалъ всю сарыкамьинскую операцію славной побѣдой, разгромивъ врага до полного уничтоженія всего IX корпуса и нанеся большое пораженіе X и XI турецкимъ корпусамъ.

А между тѣмъ, въ отвѣтъ на это мое побѣдное донесеніе на другой же день, телеграммой Главнокомандующаго, безъ всякихъ видимыхъ для меня поводовъ и причинъ, я былъ замѣненъ въ командованіи отрядомъ генералъ-лейтенантомъ Юденцемъ — младшимъ по мѣ въ чинѣ.

Съ той поры имя мое совершенно исчезаетъ и ни въ какихъ официальныхъ документахъ по Сарыкамьинскому бою обо мнѣ не упоминается.

Приказъ же по Кавказской Арміи, отъ 11 января сего года за № 15, какъ бы окончательно меня отстранилъ отъ какого-либо участія въ Сарыкамьинскомъ дѣлѣ.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, осмѣливаюсь клятвенно и документально доложить, что всю Сарыкамьинскую операцію съ 15-24 декабря 1914 года велъ я, единолично и, конечно, только я одинъ и отвѣтилъ бы предъ Судомъ ЦАРЯ и Россіи, если бы, избави Господи, съ въфренными моему командованію войсками приключилась какая-либо неудача. За что же въ минуту великаго счастья и радости славной побѣды надъ врагомъ я — виновникъ таковой — совершенно забыть, замолчать и въ имени своемъ замѣнить другими.

Въ теченіе долгаго времени, я тщетно стремился предстать предъ бывшимъ Главнокомандующимъ на Кавказѣ графомъ Вороновымъ-Дашковымъ и только черезъ шесть мѣсяцевъ по окончаніи Сарыкамьинской операціи, я, наконецъ, имѣлъ честь быть принятымъ Его Сіятель-

ствомъ, но мой десятиминутный докладъ не далъ мнѣ никакихъ результатовъ.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, я нынѣ дерзая предстать предъ Вами съ твердою и глубокою вѣрою, что ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ благоугодно будетъ узнать чистую правду о Сарыкамышскомъ дѣлѣ и объявить таковую войскамъ Кавказской арміи, среди которой я провелъ всю долгую свою жизнь и службу и всегда получалъ себѣ отъ нея почетъ и уваженіе.

Бел. Гв. Николай Николаевичъ, Главнокомандующій Кавказской Арміей, не нашелъ возможнымъ пересматривать дѣло уже рѣшенное его предшественникомъ Графомъ Ворожцовымъ-Дашковымъ.

Тогда ген. Берхманъ опять отправляется въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго. Принятый Начальникомъ Штаба Ген. Алексеевымъ. — Государь Императоръ въ это время былъ въ Петроградѣ. — Ген. Берхманъ доложилъ ему происшедшее.

Ген. Алексеевъ обѣщалъ доложить Государю, и по Высочайшему повелѣнію б. Начальникъ Генеральнаго Штаба ген. Палицынъ былъ назначенъ для производства разслѣдованія.

Послѣ разслѣдованія, произведеннаго на Кавказѣ, и соответствующаго доклада ген. Палицына Государю Императору, — въ 21-й день іюля 1916 года послѣдовалъ Высочайшій приказъ слѣдующаго содержанія):*

ВЫСОЧАЙШАЯ НАГРАДА

Государь Императоръ въ 21-й день іюля 1916 года Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать:

Орденъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени:

Бывшему командиру 1-го Кавказскаго армейскаго корпуса, нынѣ состоящему въ распоряженіи Главнокомандующаго Кавказскою арміею, Генералу-отъ-инфантеріи Георгію Берхману за то, что, состоя начальникомъ Сарыкамышской группы войскъ и получивъ весьма трудную и сложную задачу, остановить натискъ турокъ на Карсскомъ направленіи, выполнилъ эту задачу блестяще, проявивъ твердую рѣшимость, личное мужество, спокойствіе, хладнокровіе и искусство вожденія войскъ, при чемъ результатомъ всѣхъ распоряженій и мѣропріятій Генерала отъ Инфантеріи Берхмана была обезпечена полная побѣда подъ гор. Сарыкамышемъ.

*) См. «Русскій Инвалидъ» 10-го августа 1916 г. № 213 (имѣется въ Архивѣ Е. В. Берхманъ).

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

D567
.C3
A5

